

**Безопасность молодежи 18–24 лет в
России: опыт насилия в детстве,
подростковом возрасте и юности,
обращение за помощью и мнения
об эффективных мерах
профилактики**

Полный отчет об исследовании

Москва
2026

Проект реализован Консорциумом женских неправительственных объединений в партнерстве с Академией безопасности Ольги Бочковой при поддержке гранта Благотворительного фонда «Абсолют-Помощь».

Авторы отчета

Вероника Одинокова, социальный психолог, кандидат социологических наук, доцент, научный консультант исследования

Татьяна Белова, президент Консорциума женских НПО, юрист, специалист по проблеме домашнего и сексуализированного насилия, аспирант ГАУГН

Ольга Бочкова, основатель и руководитель Академии безопасности Ольги Бочковой, детский и подростковый психотерапевт

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Методология исследования	5
1.1. Зачем проводилось исследование	5
1.2. Какие вопросы мы хотели прояснить	5
1.3. Кто участвовал в опросе и как формировалась выборка.....	5
1.4. Этические принципы, безопасность и поддержка участников	6
1.5. Дизайн исследования и определение насилия.....	6
1.6. Как считались показатели	9
1.7. Ограничения исследования.....	9
1.8. Библиографический список.....	10
Глава 2. Результаты: масштаб проблемы	11
2.1. Контекст: ощущение безопасности и тревога.....	11
2.2. Личный опыт, свидетели, опыт знакомых.....	12
2.3. Главный период риска — подростковый возраст	15
2.4. Насилие часто бывает систематическим.....	17
2.5. Поливиктимизация (пересечение разных типов насилия) чаще затрагивает девушек.....	19
2.6. Места совершения насилия различаются по типам насилия и полу пострадавших.....	21
2.7. Профиль агрессора(-ов) системно отличается по видам насилия	23
2.8. Для всех видов насилия наиболее выражены психологические последствия.....	24
2.9. Наиболее «латентные» виды — кибербуллинг и сексуализированное насилие.....	25
Глава 3. Обстоятельства, последствия и обращение за помощью для отдельных видов насилия	26
3.1. Физическое насилие.....	27
3.2. Психологическое насилие.....	32
3.3. Сексуализированное насилие	36
3.3.1. Развратные действия как форма сексуализированного насилия	41
3.4. Буллинг	44
3.5. Кибербуллинг.....	48
3.6. Домашнее насилие.....	51
Глава 4. Свидетели насилия	55
4.1. Опыт свидетелей: физическое насилие	56
4.2. Опыт свидетелей: психологическое насилие	56
4.3. Опыт свидетелей: сексуализированное насилие	56
4.4. Опыт свидетелей: буллинг.....	57
4.5. Опыт свидетелей: кибербуллинг	57
4.6. Краткие выводы.....	58

Глава 5. Семейная профилактика и представления об эффективных мерах.....	58
5.1. Условия воспитания в родительской семье.....	58
5.2. Отношения с родителями.....	58
5.3. Связь качества отношений с родителями и раскрытия опыта насилия	59
5.4. Профилактические беседы в семье: какие темы обсуждают.....	60
5.5. Как респонденты оценивают влияние профилактических бесед.....	60
5.6. Какие меры молодёжь считает наиболее важными.....	60
5.7. Краткие выводы.....	61
Глава 6. Роль профилактики в раскрытии опыта насилия и обращении за помощью	61
6.1. Как оценивалась роль профилактики.....	61
6.2. Что показал анализ.....	62
6.3. Краткие выводы.....	63
Выводы и рекомендации.....	63
I. Рекомендации по предупреждению насилия	63
II. Рекомендации по поддержке и защите пострадавших.....	65

Список приложений (отдельный файл)

Приложение А. Характеристики поточной и панельной выборок.

Приложение Б. Расчеты к главе 2.

Приложение В. Расчеты к главе 3.

Приложение Г. Расчеты к главе 4.

Приложение Д. Расчеты к главе 5.

Приложение Е. Расчеты к главе 6.

Введение

Защита прав и законных интересов детей и молодежи относится к приоритетам государственной политики России. В Стратегии комплексной безопасности детей до 2030 года особое внимание уделяется предупреждению преступлений и других форм насилия в отношении несовершеннолетних. Однако одна из ключевых проблем в этой сфере — нехватка данных о том, насколько распространено насилие и в каких обстоятельствах оно происходит.

Официальная статистика отражает только зарегистрированные правонарушения и преступления. При этом значительная часть случаев остается скрытой. Кроме того, не все формы насилия и агрессии подпадают под уголовно-правовую квалификацию, хотя также наносят вред психосоциальному развитию детей и молодежи. Поэтому важным дополнительным источником информации становятся опросы молодежи об опыте насилия. Они позволяют увидеть те формы угроз, которые не попадают в официальную статистику.

В России до сих пор не проводилось масштабных эмпирических исследований, которые бы комплексно описывали безопасность детей, подростков и молодежи, угрозы, с которыми они сталкиваются, и опыт обращения за помощью. Это создает серьезный пробел в понимании ситуации и затрудняет эффективную профилактику и поддержку.

Настоящее исследование — одно из первых в России, которое с такой полнотой и детализацией рассматривает опыт насилия в детстве, подростковом возрасте и ранней взрослости на данных опроса молодежи 18–24 лет. Ранее подобные исследования чаще опирались на локальные выборки или касались только отдельных видов насилия. Полученные данные помогут лучше понять масштаб и характеристики проблемы и создают более надежную основу для совершенствования профилактики и практик поддержки детей, подростков и молодых людей.

Отчёт подготовлен для специалистов — психологов, юристов, специалистов по социальной работе, разработчиков профилактических программ и других профессионалов, а также для родителей, журналистов и всех, кому важно лучше понимать, с какими формами насилия сталкиваются дети, подростки и молодые взрослые.

В отчете последовательно показано:

- насколько часто участники сталкивались с разными формами насилия;
- в каком возрасте и в каких обстоятельствах это происходило (где, кто был агрессором, как часто повторялось);
- какие последствия участники отмечали;
- обращались ли за помощью и к кому;
- как действовали свидетели;
- какие профилактические меры участники считают важными.

В заключительной части представлены практические рекомендации, а в приложениях (отдельный файл) — полные таблицы с данными.

Глава 1. Методология исследования

1.1. Зачем проводилось исследование

Цель исследования — понять, насколько часто молодые люди 18–24 лет сталкиваются с разными формами насилия, в каком возрасте, в каких обстоятельствах это происходит, какие последствия они отмечают, обращаются ли за помощью и как реагируют свидетели. Эти данные нужны, чтобы обсуждение проблемы в обществе было основано на фактах, а профилактика и помощь — на реальных потребностях, о которых сообщили молодые люди.

1.2. Какие вопросы мы хотели прояснить

В исследовании мы отвечаем на несколько практических вопросов:

- насколько безопасно чувствуют себя юноши и девушки и какие места они считают наиболее опасными;
- насколько распространены физическое и психологическое насилие, сексуализированное насилие, буллинг и кибербуллинг;
- в каких возрастах происходили эти ситуации;
- кто чаще выступает агрессором (в общих категориях, без идентификации людей);
- как часто подобные ситуации повторялись;
- какие последствия отмечают участники;
- к кому обращаются за помощью и как часто не обращаются вовсе;
- как действуют свидетели и насколько уверенно они себя чувствуют;
- какие профилактические меры юноши и девушки считают важными.

1.3. Кто участвовал в опросе и как формировалась выборка

В исследовании приняли участие 3430 человек в возрасте 18–24 лет.

Опрос проводился методом онлайн-анкетирования. Анкета была размещена на платформе «Анкетолог». Мы выбрали онлайн-формат, поскольку молодёжь 18–24 лет наиболее активно использует интернет, а онлайн-опрос обеспечивает высокий уровень анонимности, удобство и самостоятельность заполнения, что особенно важно при обсуждении чувствительных тем.

Мы сознательно отказались от традиционных молодежных опросов через образовательные организации: такие исследования требуют более высоких затрат и неизбежно ограничивают выборку из-за селекции учреждений и географических ограничений.

Сбор данных проходил в два этапа:

1. Поточная выборка через социальные медиа (май-сентябрь 2025 года)

На первом этапе участники набирались через социальные медиа (личные блоги и тематические каналы посвященные вопросам здоровья и благополучия молодежи). На этом этапе выявилось выраженное смещение выборки по полу и географии (в пользу девушек и жителей больших городов), поэтому мы изменили способ рекрутирования и продолжили набор через всероссийскую панель респондентов, чтобы скорректировать состав выборки и повысить её репрезентативность.

2. Всероссийская панель респондентов с квотированием (октябрь-декабрь 2025 года)

На втором этапе сбор данных продолжился с использованием всероссийской онлайн-панели респондентов. В исследование отбирались молодые люди 18–24 лет с обеспечением репрезентативности по полу и федеральным округам.

Объединение и взвешивание данных

Далее данные двух этапов были объединены и взвешены. Расчет квот выполнен по данным Росстата о численности и социально-демографическом составе молодежи 18–24 лет в федеральных округах на 1 января 2025 г.

В тексте отчёта приведены взвешенные проценты. Это позволяет рассматривать полученные оценки как репрезентативные для молодежи России 18–24 лет (при учете ограничений исследования, описанных ниже)¹.

1.4. Этические принципы, безопасность и поддержка участников

В выборку включались только респонденты в возрасте 18–24 лет по этическим и правовым соображениям: исследование затрагивало чувствительные темы, связанные с опытом насилия, поэтому сбор данных среди взрослых респондентов рассматривался как более безопасный. Несовершеннолетние респонденты исключались на этапе скрининга по возрасту и не получали доступа к основной анкете. При этом ретроспективный дизайн позволил собрать сведения об опыте, относящемся к детству и подростковому возрасту.

Участие в опросе было добровольным. Респонденты могли пропустить любой вопрос и завершить прохождение анкеты в любой момент. Анкета была построена таким образом, чтобы не собирать идентифицирующие детали о конкретных людях и ситуациях. По завершении опроса всем участникам показывалась страница сайта, на которой были собраны контакты организаций, куда можно обратиться за поддержкой и помощью.

Протокол исследования был рассмотрен и одобрен Этическим комитетом РГПУ им. А. И. Герцена (Протокол № 30 от 31.03.25 г.)

Доля отказов от ответов на чувствительные вопросы в исследовании была крайне небольшой (не более 5–7% в зависимости от блока). Это можно объяснить тем, что вопросы затронули действительно значимую для молодежи тему, а формат онлайн-анкеты обеспечивал ощущение анонимности и контроля над тем, чем человек готов делиться.

В открытых ответах часть респондентов прямо связывали участие в опросе с желанием, чтобы проблема стала более видимой, и чтобы у других было больше знаний и защиты:

*«Спасибо что хотите изменить ситуацию, я думала мне будет проще проходить этот опрос, но куда сложнее осознать, что ты можешь быть не первой и не последней, я очень многого не знала, но я не хочу, чтобы это с кем-то повторялось из-за отсутствия знаний. Спасибо вам за вашу работу»
(девушка, 22 года, Нижегородская область).*

1.5. Дизайн исследования и определение насилия

Методология исследования

Исследование опирается на подходы общественного здравоохранения и виктимологии. Виктимологический подход подчеркивает важность виктимизационных опросов как инструмента

¹ В Приложении А представлены характеристики поточной выборки, панельной выборки и результаты после взвешивания.

изучения латентных форм насилия, которые не отражаются в статистике обращений и зарегистрированных правонарушений (Веркеев и др., 2019; UNODC, 2010). С точки зрения общественного здравоохранения насилие в отношении детей и подростков рассматривается как проблема, требующая систематического мониторинга. Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения по изучению распространенности насилия над детьми, для оценки могут использоваться опросы детей, ретроспективные опросы взрослых, опросы родителей, данные служб и статистические наблюдения, при этом опросы рассматриваются как реализуемые и экономичные методы получения данных (Meinck et al., 2016). Исследование также опирается на предшествующий опыт исследований насилия над детьми в России по методологии Международного общества по предотвращению насилия над детьми (Волкова, Волкова, Исаева, 2016; Ребенок и насилие под ред. Е.Н. Волковой и О.М. Исаевой).

По сравнению с предшествующими опросами дизайн данного исследования был адаптирован с учетом особенностей онлайн-анкетирования. Исследование не предполагало сбора подробных сведений о каждом отдельном эпизоде насилия, как это принято в виктимизационных опросах. Такое решение позволило избежать чрезмерного увеличения объема анкеты и снизить риск дополнительного эмоционального дискомфорта для участников, связанного с необходимостью подробно воспроизводить травматический опыт. Вместо этого анкета фиксировала наличие опыта и его ключевые характеристики в обобщенной форме, достаточной для оценки распространенности, анализа обстоятельств и разработки мер профилактики и помощи.

Содержание анкеты

Анкета включала следующие блоки:

- базовые сведения (пол, возраст и др.);
- ощущение безопасности и тревога;
- опыт разных видов насилия;
- обстоятельства случаев (возраста, когда произошло, где происходило, кто совершал, повторяемость, субъективная оценка последствий, обращение за помощью) – блоки с уточняющими вопросами раскрываются для каждого из отмеченных в предыдущем разделе видов насилия в опыте респондента;
- опыт свидетельства насилия и реакция свидетеля;
- профилактика в семье и оценка мер профилактики.

Как насилие определено в исследовании

В этом отчёте мы используем слово «насилие» как обобщающий термин для нескольких типов опыта, которые измерялись в анкете. Это не юридические определения и не исчерпывающий перечень всех возможных ситуаций. Наша задача заключалась в том, чтобы зафиксировать распространённость и ключевые характеристики опыта (где происходило, кто был агрессором, как часто повторялось, какие последствия отмечались, обращались ли за помощью), а не дать полное описание каждого случая или опыта по каждому из изучаемых видов насилия.

В анкете виды насилия определены через конкретные действия, а не через абстрактные термины. Это сделано по нескольким причинам. Во-первых, люди по-разному понимают слова «насилие», «абьюз», «домогательства», «буллинг». Во-вторых, описание через действия помогает снизить неоднозначность и уменьшает риск того, что участники будут отвечать в соответствии со своими представлениями, а не по фактическому опыту. В-третьих, такой подход позволяет сравнивать

ответы разных людей более корректно: участники отвечают на вопрос о том, происходило ли с ними определенные действия, а не о том, как они эти ситуации для себя определили.

Ниже мы приводим пояснение, как понятия разных видов насилия были раскрыты для респондентов:

Физическое насилие

Под физическим насилием в анкете понимались ситуации, связанные с применением физической силы, например удары, пинки, избиение. В вопросах подчеркивалось, что это могло происходить со стороны разных людей (родственников, сверстников, партнёра и т.д.) и в разных местах (дома, в школе, на улице, на работе).

Психологическое насилие

Психологическое насилие в анкете описывалось через действия, которые причиняют психологический вред или направлены на контроль и подавление: угрозы, шантаж, манипуляции, постоянная критика, давление или унижение. Отдельно уточнялось, что это могло происходить как офлайн, так и онлайн.

Сексуализированное насилие

Этот блок включал широкий спектр действий сексуализированного характера, совершаемых без согласия: прикосновения без согласия, принуждение к половому акту, получение нежелательных сексуальных сообщений, насилие делиться интимным контентом, распространение фото/видео. Также уточнялось, что такие действия могли происходить офлайн или онлайн.

Буллинг

Буллинг в анкете определялся через повторяющиеся действия в отношении человека, направленные на унижение или исключение: высмеивание, оскорбления, насилие к нежелательным действиям, игнорирование.

Кибербуллинг

Кибербуллинг описывался через онлайн-действия, направленные на унижение, вред или контроль: оскорбления в сети, взломы аккаунтов, создание фейковых страниц с целью унижения, распространение личных данных и сплетен без согласия, высмеивание.

Ограничения определений

Эти формулировки не охватывают все возможные формы насилия и не заменяют профессиональную оценку конкретного случая. В реальной жизни границы между типами насилия могут пересекаться: например, кибербуллинг может сопровождаться физическими нападениями, психологическое давление - угрозами распространения интимного контента. В отчёте такие пересечения учитываются в анализе (в опыте одного участника могло быть несколько типов насилия), но сами определения в анкете остаются намеренно краткими и изучаются отдельно, чтобы участники могли ответить однозначно.

Как оценивались последствия насилия

После блока вопросов об опыте насилия респондентам предлагалось оценить, насколько тяжелыми были последствия для них по шкале 1–5, где 1 означало «без последствий», а 5 — «крайне тяжелые последствия». Такой способ измерения фиксирует субъективную тяжесть пережитого вреда — то, как человек сам оценивает влияние события на свою жизнь.

Перед оценкой давались поясняющие примеры, чтобы разные участники одинаково понимали смысл категорий:

- физические последствия (например, травмы, кровоподтеки, боль, инфекции),

- психологические (например, тревожность, страх, депрессия, сложности в отношениях),
- экономические (например, затраты на лечение, потеря дохода, расходы на помощь).

В контексте насилия субъективная оценка является важным показателем благополучия и потребности в помощи: один и тот же тип события может иметь разные последствия для разных людей, а короткая стандартизированная шкала позволяет сравнивать последствия для разного пола, возраста и типов насилия.

1.6. Как считались показатели

В тексте отчета и таблицах приведены взвешенные проценты.

В отчёте используются:

- доли (проценты), рассчитанные от числа участников, ответивших на данный блок вопросов;
- в вопросах про места совершения насилия, агрессоров, последствия и действия свидетелей участник мог отметить несколько ответов, поэтому суммы процентов в таких таблицах могут быть больше 100%;
- для последствий использовалась шкала 1–5; в отчете приводится доля «тяжёлых последствий» (4–5) и среднее значение (M) со стандартным отклонением (SD).

Все расчеты приведены в таблицах, которые помещены в приложения. В приложениях указан размер группы, по которой считали процент (N). В таблицах и примечаниях мы отдельно указываем, от какого знаменателя (N) рассчитаны проценты.

Проценты в тексте, таблицах и на графиках могут не сходиться на 1–2 пункта из-за округления.

Все ключевые расчеты проведены отдельно для юношей и девушек, так как подверженность разным формам насилия, обстоятельства (где и кем совершается насилие), а также реакции и обращение за помощью заметно различаются в зависимости от пола.

Отдельно мы анализируем возраст в момент насилия, потому что насилие в разные возрастные периоды связано с разными условиями его совершения и разной ответственностью систем. Насилие в отношении детей и подростков до 18 лет — это зона ответственности системы защиты детей (образовательных и других организаций, которые обязаны обеспечивать безопасность и реагировать на риск) и родителей (законных представителей). Насилие, происходящее после 18 лет, требует иных механизмов защиты: меняется статус человека, доступные маршруты получения помощи, а также роль семьи и организаций. Поэтому различия по возрасту в отчёте проведены для трех возрастных категорий: детство до 11 лет, подростковый возраст 12-17 лет, взрослый возраст 18 и старше.

1.7. Ограничения исследования

Результаты исследования важно интерпретировать с учетом ограничений:

- опыт насилия – это стигматизированная тема; люди имеют тенденцию умалчивать о таком опыте, даже в условиях анонимного опроса;
- онлайн-опрос основан на самоотчете; возможны ошибки памяти и разное понимание формулировок;
- в выборке недопредставлены мужчины Северо-Кавказского федерального округа: оба использованных способа рекрутирования (через социальные медиа и через

всероссийскую онлайн-панель) оказались недостаточно эффективны для набора этой группы и не позволили полностью сформировать требуемую квоту;

- взвешивание повышает сопоставимость данных с распределением молодёжи 18–24 лет по полу и федеральным округам, но не устраняет полностью все возможные смещения, связанные с участием в онлайн-опросах;
- в случаях многоэпизодного насилия также ограничены возможности точного соотнесения возраста и конкретных обстоятельств отдельных эпизодов, поскольку изучался опыт в целом (см. 1.5); при этом такие ограничения не мешают выявлять устойчивые общие тенденции, но требуют аккуратности в интерпретации детализированных связей.

В целом, указанные ограничения – стандартны для социальных исследований, не отменяют выявленных тенденций и не препятствуют анализу общих закономерностей.

1.8. Библиографический список

Веркеев, А. М., Волков, В. В., Дмитриева, А. В. и др. (2019). Как изучать жертв преступлений?. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (2).

<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>

Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография / Е.Н. Волкова, О.М. Исаева. – Н. Новгород, 2015. – 290 с.

<https://cppmsp52.ru/assets/mgr/files/doc/2024/11/polovaya-neprikosновенност/isaeva-volkova.rebenok-i-nasilie-tekst-1.pdf>

Manual on Victimization Surveys / UNODC, 2010. — 174 p. URL:

https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf

Meinck F., Steinert J. I., Sethi D., Gilbert R., Bellis M. A., Mikton C., Alink L., Baban A. Measuring and monitoring national prevalence of child maltreatment: a practical handbook [Электронный ресурс]. — Geneva: World Health Organization, 2016. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/343818>

Глава 2. Результаты: масштаб проблемы²

2.1. Контекст: ощущение безопасности и тревога

Ключевой вывод: девушки значительно чаще, чем юноши, сообщают о субъективной небезопасности в публичных пространствах (особенно в районе проживания после наступления темноты, в транспорте и на улице) и значительно чаще испытывают регулярную тревогу относительно возможного нападения.

Вопросы о субъективном ощущении безопасности показывают общий уровень тревоги — насколько часто молодые люди живут с ощущением, что могут стать жертвой нападения. Такие показатели связаны с психологическим благополучием (напряжение, избегающее поведение, чувство контроля) и социальным благополучием (мобильность, участие в общественной жизни, доверие к среде).

Участникам предлагалось оценить, насколько безопасно они чувствуют себя в типичных местах (дом, подъезд/лифт, учебное заведение, работа, улица/парк, общественный транспорт, район проживания после наступления темноты, общежитие, бар/клуб). В этой главе мы используем долю тех, кто отметил варианты «небезопасно» или «очень небезопасно»..

Ниже приведены ранжированные списки мест, которые были отмечены как небезопасные/очень небезопасные. Ответы «не относится ко мне» исключались из расчётов (например, если человек не посещает бар/клуб или не живёт в общежитии).

Юноши, доля ответов «небезопасно/очень небезопасно», %

Бар или клуб — 26,4%
Район проживания после наступления темноты — 20,5%
Подъезд, лестница, лифт — 18,1%
Общежитие — 13,4%
Общественный транспорт — 11,0%
Улица или парк — 10,4%
У меня дома — 6,5%
В учебном заведении — 6,5%
На работе — 6,3%

Девушки, доля ответов «небезопасно/очень небезопасно», %

Район проживания после наступления темноты — 48,7%
Бар или клуб — 37,0%
Общественный транспорт — 26,4%
Улица или парк — 22,2%
Общежитие — 13,5%
Подъезд, лестница, лифт — 8,0%
На работе — 6,5%
В учебном заведении — 5,9%
У меня дома — 3,9%

Различия по полу наиболее выражены в публичных пространствах и в ситуациях, связанных с вечерним временем: девушки значительно чаще отмечают небезопасность в районе проживания после наступления темноты (48,7% против 20,5% у юношей), в общественном транспорте (26,4% против 11,0%), на улице/в парке (22,2% против 10,4%), а также в баре/клубе (37,0% против 26,4%). Эти различия статистически значимы.

Ниже приведены два примера из открытых ответов респондентов. У девушки субъективное чувство безопасности связано с личным опытом:

В некоторые периоды чувствую дискомфорт в метро из-за ситуации, которая произошла в прошлом. Во время час-пика незнакомый мужчина намеренно трогал меня за интимное место. После этого иногда появляется страх и чувство небезопасности, когда кто-то идет сзади меня (девушка, 22 года, г. Санкт-Петербург)

² Расчёты по этому разделу представлены в приложении Б

У юноши чувство безопасности описывается через постоянную готовность к угрозе - как часть привычного поведения и роли мужчины:

Везде я чувствую себя безопасно, но я всегда подготовлен, осторожен и внимателен. Моя обязанность как мужчины и главы моей, пока что маленькой, семьи, это быть готовым защитить себя и своих близких. В связи с этим я везде чувствую себя безопасно, ведь я готов. Но я всегда прокручиваю в голове, что может плохого произойти сейчас или вскоре и как я могу к этому подготовиться (юноша, 21 год, Новосибирская область)

Далее задавался прямой вопрос: «Как часто вы испытываете тревогу относительно вероятности нападения?». Варианты ответа: «Постоянно или почти всегда», «Довольно часто», «Иногда, временами», «Никогда», «Затрудняюсь ответить».

Почти у половины респондентов тревога возникает «иногда, временами» (50,7% девушек и 48,6% юношей). Однако более частая тревога существенно различается по полу. Если объединить ответы «постоянно/почти всегда» и «довольно часто», то регулярно тревогу испытывают 42,7% девушек (8,5% + 34,2%) и 11,4% юношей (1,4% + 10,0%). При этом ответ «никогда» выбрали 35,7% юношей и только 5,3% девушек.

2.2. Личный опыт, свидетели, опыт знакомых

Ключевые выводы

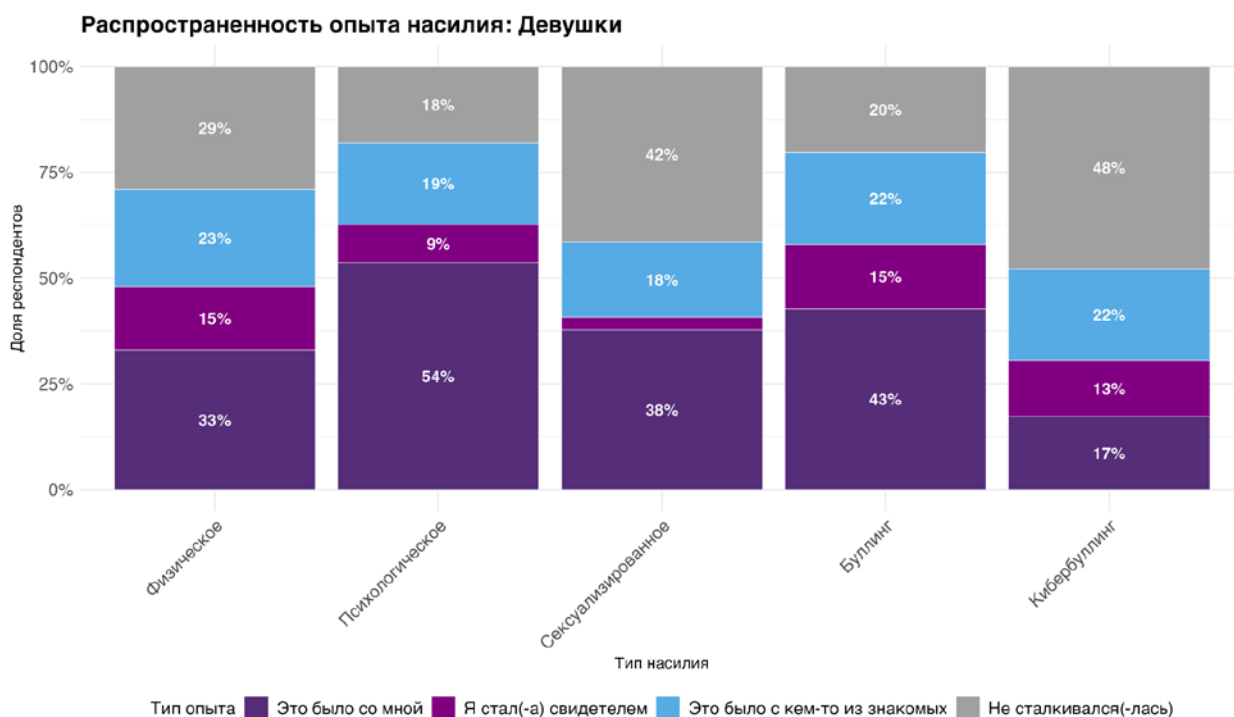
Психологическое насилие и буллинг — самые распространённые формы опыта. У девушек ключевые зоны риска — психологическое насилие, буллинг и сексуализированное насилие. У юношей — психологическое насилие, буллинг и физическое насилие. При этом, исследование также помогает развеять распространённый миф о том, что сексуализированное насилие затрагивает исключительно девочек и женщин.

Проблема насилия над детьми и молодежью - это не только пострадавшие, но и свидетели и близкое окружение. Поддержка нужна не только тем, кто пережил насилие лично, но и тем, кто оказался рядом и не знает, как действовать.

Среди девушек 18–24 лет доля тех, кто сообщил «это было со мной», составляет (рис. 1):

- психологическое насилие — 54%;
- буллинг — 43%;
- сексуализированное насилие — 38%;
- физическое насилие — 33%;
- кибербуллинг — 17%.

Рис. 1.

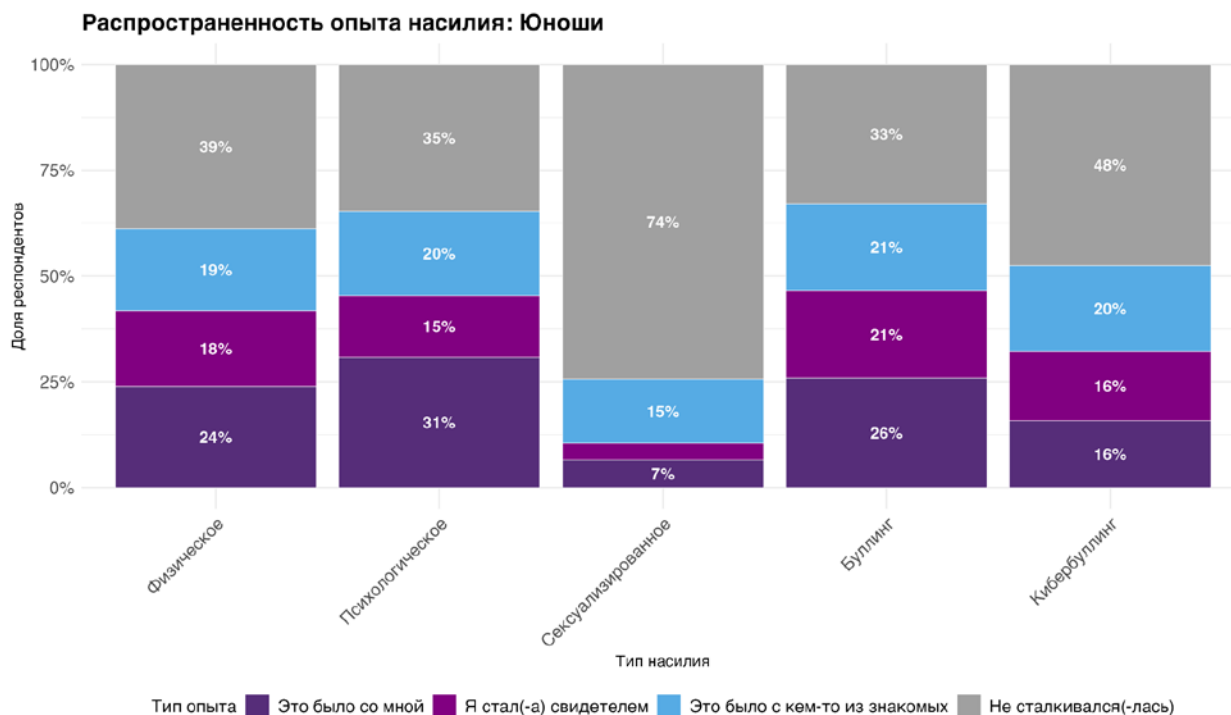
Кроме личного опыта, заметна доля девушек, которые были **свидетелями** или знают случаи у знакомых. Среди девушек чаще всего встречается опыт свидетельства физического насилия, буллинга и кибербуллинга (примерно 13–15%). Это согласуется с характером этих явлений: физическое насилие и буллинг чаще разворачиваются в публичных пространствах и групповых ситуациях (улица, учебная среда, а также онлайн - в случае кибербуллинга), где присутствуют очевидцы. Напротив, психологическое и сексуализированное насилие чаще происходит в закрытых или частных контекстах (дом, отношения, личная переписка) и поэтому реже наблюдаемо для свидетелей.

Помимо этого, примерно каждая пятая девушка косвенно знакома с проблемой через свое окружение: 18–23% (в зависимости от вида насилия) сообщили, что **знают людей, которые подвергались** соответствующему виду насилия. Это подчеркивает, что тема затрагивает не только непосредственных пострадавших и свидетелей, но и широкий круг близких и знакомых, которые оказываются вовлечены через рассказы и совместный поиск помощи.

Среди юношей 18–24 лет доля ответов «это было со мной» составляет (рис. 2):

- психологическое насилие — 31%;
- буллинг — 26%;
- физическое насилие — 24%;
- кибербуллинг — 16%;
- насилие к нежелательным сексуальным действиям — 7%.

Рис. 2.

По сравнению с девушками, юноши значительно реже сообщают о сексуализированном насилии как о личном опыте (7% против 38% у девушек), а также реже — о психологическом насилии (31% против 54%). При этом по кибербуллингу личный опыт близок (16% у юношей и 17% у девушек).

Как и у девушек, значимая часть юношей сталкивается с проблемой не только через личный опыт, но и в роли свидетелей. По данным опроса, 18–21% юношей сообщали, что наблюдали буллинг и физическое насилие; 15–16% — что были свидетелями психологического насилия и кибербуллинга. Существенно реже юноши отмечали опыт свидетельства сексуализированного насилия (около 4%), что согласуется с тем, что сексуализированное насилие чаще происходит в закрытых или частных контекстах.

Более высокая доля юношей, сообщивших об опыте свидетельства психологического насилия, вероятно связана с тем, что часть проявлений психологической агрессии происходит в групповых ситуациях (среди сверстников, в учебной среде), где юноши чаще оказываются свидетелями. У девушек психологическое насилие чаще связано с закрытыми контекстами (дом, близкие отношения), поэтому оно чаще переживается как личный опыт, а не как свидетельство. Контексты насилия более подробно рассмотрены в **Главе 3. Обстоятельства насилия**

2.3. Главный период риска — подростковый возраст

Ключевые выводы

Для большинства видов насилия пик приходится на возраст 12–17 лет — и у девушек, и у юношей. При этом значимая часть опыта относится и к детству 0–11 лет, что указывает на необходимость ранней профилактики и поддержки. Одновременно заметная доля эпизодов происходит после 18 лет, особенно в части психологического и сексуализированного насилия, поэтому маршруты помощи должны быть доступны и молодым взрослым.

Отдельно выделяется профиль сексуализированного насилия у юношей: опыт чаще отмечается в 18+ и сопровождается более высокой долей затруднений при указании возраста, что может отражать барьеры осознания и проговаривания этого опыта.

На графиках (рисунки 3–4) показано, в каком возрасте респонденты отмечали опыт соответствующего типа насилия. Проценты указаны от числа тех, кто сообщил о данном опыте насилия. Поскольку один человек мог столкнуться с насилием в нескольких возрастных периодах, суммы по строке могут превышать 100%. Отдельная колонка «затрудняюсь ответить» показывает долю тех, кому было сложно вспомнить или выбрать возраст.

У девушек подростковый возраст 12–17 лет — наиболее нагруженный рисками период. К этому возрасту относятся большинство эпизодов насилия:

- буллинг — 84,4%;
- психологическое насилие — 80,5%;
- кибербуллинг — 72,0%;
- физическое насилие — 71,6%;
- сексуализированное насилие — 69,5%.

Рис. 3.

При этом доля опыта девушек, относящегося к детству (0–11 лет), тоже велика:

- физическое насилие — 64,9%;
- буллинг — 52,6%;
- психологическое насилие — 49,8%;
- сексуализированное насилие — 26,5%;
- кибербуллинг — 21,6%.

Опыт насилия у девушек после 18 лет также значим (особенно для психологического насилия и сексуализированного насилия):

- психологическое насилие — 51,0%;
- сексуализированное насилие — 40,6%;
- кибербуллинг — 26,5%;
- физическое насилие — 25,7%;
- буллинг — 18,4%.

Доля «затрудняюсь ответить» у девушек невысока (2,3–6,7% в зависимости от типа), то есть большинство смогли соотнести опыт с возрастом.

У юношей подростковый возраст 12–17 лет также является ключевым. К этому возрасту относятся большинство эпизодов насилия:

- физическое насилие — 72,9%;
- психологическое насилие — 73,9%;
- кибербуллинг — 71,8%;
- буллинг — 78,2%.

Для сексуализированного насилия доля (41,1%) опыта, относящегося к 12–17 лет ниже, чем у девушек.

Рис. 4.

Существенная часть опыта у юношей относится к детству (0–11 лет):

- физическое насилие — 49,7%;
- психологическое насилие — 44,9%;
- буллинг — 39,0%.

Для юношей сексуализированное насилие в большей степени «смещено» во взрослый возраст: пик приходится на 18+, тогда как в подростковом возрасте доля ниже. Это может быть связано с изменением контекстов после 18 лет (более активная социальная жизнь, новые формы знакомств, ночная/развлекательная среда, самостоятельность, онлайн-контакты), где риск определенных форм сексуализированного насилия возрастает. По этому типу насилия у юношей также отмечается наиболее высокая доля «затрудняюсь ответить» (12,4%) что указывает на трудности его отнесения к возрасту или на дискомфорт при воспоминании. Это может быть связано со стигмой и гендерными нормами («мужчина не может быть жертвой»), из-за чего опыт может хуже осознаваться, реже обсуждаться и, соответственно, сложнее датироваться.

2.4. Насилие часто бывает систематическим

Ключевые выводы

Психологическое насилие и буллинг чаще всего описываются как многократно повторяющиеся (особенно у девушек). Это согласуется и с природой явлений: психологическое насилие и буллинг обычно разворачиваются как процесс (повторяющиеся унижения, давление, исключение, контроль), а не как единичный инцидент, поэтому респонденты чаще описывают их как многократные эпизоды.

Для сексуализированного насилия в отношении девушек характерен более ровный профиль частоты, так как оно объединяет очень разные по временной структуре сценарии (от разовых эпизодов до систематических и повторяющихся процессов). Сексуализированное насилие у юношей чаще описывается как единичный эпизод или 2–3 эпизода. Это может указывать на более «инцидентный» характер опыта.

Для девушек наиболее часто повторяющиеся виды насилия — это психологическое насилие и буллинг (рис.5):

- психологическое насилие: 57% сообщили о случаях «более 10 раз»;
- буллинг: 56% «более 10 раз».

Рис. 5.

Физическое насилие также часто повторялось: 39% «более 10 раз», ещё 17% — 4–10 раз, 18% — 2–3 раза, 10% — 1 раз. Кибербуллинг по частоте более «разнообразен»: 20% «более 10 раз», 17% — 4–10 раз, 20% — 2–3 раза, 19% — 1 раз, что показывает: кибербуллинг у части девушек бывает единичным эпизодом, а у части — систематической угрозой.

Сексуализированное насилие у девушек, по сравнению с другими видами насилия, более равномерно распределено между разовыми и повторяющимися ситуациями: 18% — 1 раз, 23% — 2–3 раза, 16% — 4–10 раз, 16% — более 10 раз. Связано это вероятно с тем, что сексуализированное насилие объединяет очень разные по временной структуре сценарии, в числе которых могут оказаться разовые события (например, изнасилование) и типично повторяющиеся процессы (домогательства). Доля «другое» в оценке частоты сексуализированного насилия составляет 26% (рисунок 5): сюда попадают ответы, которые не укладываются в перечисленные категории (например, неодинаковая частота в разные периоды и т.п.). Это тоже сигнал о сложности опыта и необходимости более внимательного исследования при работе со случаем.

У юношей наиболее часто повторяющиеся формы — буллинг и психологическое насилие (рис.6):
 – буллинг: 44% «более 10 раз»;
 – психологическое насилие: 42% «более 10 раз».

Рис. 6.

Кибербуллинг у юношей часто повторяется:

– 30% «более 10 раз», 28% — 4–10 раз, 23% — 2–3 раза, 14% — 1 раз.

Это важный практический вывод: даже при близких уровнях личного опыта кибербуллинга у девушек и юношей (17% и 16% на рисунках 2.1–2.2), у юношей он чаще выглядит как серия эпизодов, а не единичный случай.

Физическое насилие у юношей более равномерно распределено между несколькими категориями частоты: 27% «более 10 раз», 21% — 4–10 раз, 25% — 2–3 раза, 22% — 1 раз.

Сексуализированное насилие у юношей чаще описывается как единичный эпизод или 2–3 эпизода. Это может указывать на более «инцидентный» характер опыта в их ответах: взаимодействие чаще прекращается быстро и реже переходит в длительное преследование, по сравнению с опытом у девушек.

2.5. Поливиктимизация (пересечение разных типов насилия) чаще затрагивает девушек

Ключевые выводы

Четыре и более видов насилия отмечают 13,2% участников исследования в целом, у девушек 18,9%, у юношей 7,5%. Гендерные различия проявляются не только в уровне поливиктимизации, но и в ее структуре: у девушек чаще фиксируются сочетания, включающие сексуализированное насилие, что формирует качественно иной профиль виктимизации по сравнению с юношами.

Подростковый возраст 12–17 лет — ключевой период для выявления поливиктимизации. Если подросток сообщает хотя бы об одном виде насилия, это часто сигнал повышенного риска по другим видам.

Поливиктимизация — это ситуация, когда один и тот же человек сталкивается не с одним, а с 4+ типами насилия. Речь идет именно о множественности типов опыта, а не просто о многократном

повторении одного и того же события. Такой опыт нельзя адекватно понять, если рассматривать каждый вид насилия по отдельности. Важность изучения поливиктимизации связана с тем, что именно **накопление разных форм виктимизации** сильнее связано с травматическими симптомами, чем любой отдельный тип насилия сам по себе.

В этом исследовании мы рассчитали индекс поливиктимизации как количество разных типов насилия, о которых респондент сообщил как о личном опыте: физическое насилие, психологическое насилие, сексуализированное насилие, буллинг, кибербуллинг. Индекс принимает значения от 0 (нет опыта ни одного из пяти типов) до 5 (опыт всех пяти типов). Важно подчеркнуть, что индекс отражает сколько разных типов было в опыте, а не то, как часто это происходило.

Результаты расчета индекса:

- Более половины юношей (54,8%) не сообщают о личном опыте ни одного из пяти типов насилия (индекс = 0). У девушек таких существенно меньше — 28,9%. В целом по выборке индекс = 0 у 42,0% участников.
- Опыт хотя бы одного типа насилия (индекс 1–5) имеет 58,0% респондентов в целом. Среди девушек — 71,1%, среди юношей — 45,2%.
- Пересечение нескольких типов — распространённое явление. Два и более типов насилия (индекс ≥ 2) отмечают 41,8% участников в целом; среди девушек — 53,8%, среди юношей — 30,2%.
- Четыре и более видов насилия отмечают 13,2% в целом, у девушек 18,9%, у юношей 7,5% (различия значимы).

В среднем по выборке, юноши сообщают об одном типе насилия ($M=1,03\pm 1,37$), девушки — о почти двух ($M=1,84\pm 1,58$).

Опыт поливиктимизации возрастает к подростковому периоду. Наибольшая концентрация множественного опыта приходится на подростковый возраст 12–17 лет. В этом периоде четыре и более видов насилия в одном возрастном периоде отмечают 6,4% в целом, при заметном гендерном разрыве: 9,5% у девушек и 3,3% у юношей.

В детстве (0–11) множественный опыт встречается реже (2,4% в целом; 3,7% у девушек и 1,1% у юношей), но он уже присутствует. После 18 лет четыре и более видов в одном периоде встречаются редко (0,6%), хотя часть респондентов сохраняет 1–3 вида опыта.

Если смотреть на все возраста, то поливиктимизация становится ещё заметнее: четыре и более видов насилия отмечают 13,2% в целом, 18,9% у девушек и 7,5% у юношей. Различия между опытом множественной виктимизации статистически значимы для всех возрастных категорий, а также для всех возрастов вместе.

По **совместной встречаемости** наиболее частая комбинация — психологическое насилие и буллинг (25,7%, здесь и далее - % от всей выборки). Следом идут пары психологическое + физическое (23,1%) и физическое + буллинг (18,4%) (табл.1)

У юношей наиболее типичны сочетания, в которых в качестве основы выступают психологическое насилие, физическое насилие и буллинг: психологическое + буллинг, психологическое + физическое, физическое + буллинг (все три входят в лидирующие).

У девушек эти сочетания тоже присутствуют, но дополнительно резко усиливаются сочетания с сексуализированным насилием:

- психологическое + сексуализированное: 29,7% у девушек против 3,8% у юношей;
- буллинг + сексуализированное: 23,9% против 3,9%;

– физическое + сексуализированное: 19,4% против 2,8%.

Таким образом, что у девушек сексуализированное насилие редко выглядит как изолированный эпизод.

Таблица 1. Самые частые комбинации видов насилия, % (по всей выборке)

Комбинации видов насилия	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
Психологическое + Буллинг	18,6	33,0	25,7
Психологическое + физическое	17,9	28,5	23,1
Физическое + Буллинг	15,4	21,4	18,4
Психологическое + сексуализированное	3,8	29,7	16,6
Буллинг + сексуализированное	3,9	23,9	13,8
Психологическое + Кибербуллинг	11,5	14,0	12,7
Буллинг + кибербуллинг	10,1	13,2	11,7
Физическое + сексуализированное	2,8	19,4	11,0

Более высокий уровень поливиктимизации у девушек может объясняться тем, что у них выше уровень подверженности в отношении отдельных видов насилия, поэтому вероятность «накопления» нескольких типов выше. При этом у юношей выше барьеры раскрытия и признания опыта (из-за таких факторов как стигма, нормы маскулинности, трудность проговаривания сексуализированного насилия), поэтому часть опыта может оставаться скрытой, тогда как девушки чаще распознают и называют действия насилием.

2.6. Места совершения насилия различаются по типам насилия и полу пострадавших

Ключевые выводы

Буллинг максимально привязан к учебной среде.

Ведущим местом физического и психологического насилия у юношей является учебное заведение, тогда как у девушек - дом.

Для сексуализированного насилия у обоих полов ключевыми контекстами насилия являются интернет/соцсети и дом.

Публичные пространства (улица/парк/транспорт) чаще входят в наиболее часто упоминаемых мест совершения насилия у девушек.

Таблица 5 показывает, где чаще происходят разные виды насилия по сообщениям пострадавших, отдельно для юношей и девушек. Для каждого вида приведены пять наиболее часто упоминаемых мест, отсортированных по убыванию доли упоминаний. Важно, что это множественный выбор: один человек мог указать несколько мест, поэтому суммы процентов по строке могут превышать 100%. Таблица предназначена для быстрого сравнения «типичных контекстов» по видам насилия и полу.

Таблица 2. Пять наиболее часто упоминаемых мест совершения насилия по видам (среди пострадавших, множественный выбор, %)

Вид насилия	Юноши: ТОП-5 мест	Девушки: ТОП-5 мест
Физическое	Учебное заведение — 56,1; Улица/парк/парковка — 41,8; Дом — 32,1; Подъезд/лестница/лифт — 8,4; Бар/клуб — 3,1	Дом — 75,1; Учебное заведение — 26,4; Улица/парк/парковка — 20,6; Подъезд/лестница/лифт — 7,3; Общественный транспорт — 4,0
Психологическое	Учебное заведение — 63,2; Дом — 40,3; Улица/парк/парковка — 25,8; Работа — 13,2; Подъезд/лестница/лифт — 12,2	Дом — 65,4; Учебное заведение — 53,8; Улица/парк/парковка — 19,2; Работа — 11,0; Общественный транспорт — 8,2
Сексуализированное	Интернет/соцсети — 39,3; Дом — 34,6; Учебное заведение — 14,0; Общежитие — 11,3; Улица/парк/парковка — 11,2	Интернет/соцсети — 35,7; Дом — 33,3; Улица/парк/парковка — 25,9; Общественный транспорт — 13,6; Учебное заведение — 11,2
Буллинг	Учебное заведение — 86,3; Улица/парк/парковка — 29,8; Дом — 15,4; Работа — 6,3; Общежитие — 6,0	Учебное заведение — 92,0; Дом — 12,4; Улица/парк/парковка — 12,1; Работа — 4,9; Общественный транспорт — 2,9

Примечание: один респондент мог выбрать несколько мест совершения определенного вида насилия, поэтому суммы по строке могут превышать 100%. Проценты рассчитаны среди тех, кто сообщил о соответствующем опыте насилия. Кибербуллинг в эту таблицу мест не включён, потому что он по определению происходит в цифровой среде (интернет/соцсети).

Учебная среда — центральный контекст для буллинга и значимый контекст для физического и психологического насилия. При буллинге учебное заведение с большим отрывом занимает первое место и у юношей (86,3%), и у девушек (92,0%).

Для юношей учебное заведение также является ведущим местом физического (56,1%) и психологического насилия (63,2%).

У девушек «дом» занимает первое место при физическом насилии (75,1%) и психологическом насилии (65,4%).

Для сексуализированного насилия устойчиво выделяются два контекста: интернет/соцсети и дом, как для юношей, так и для девушек.

Публичные пространства (улица/парк/транспорт) чаще входят в наиболее часто упоминаемых мест совершения насилия у девушек. Это согласуется с более высоким уровнем субъективной небезопасности девушек в публичной среде (см. раздел 1.1.) и подчёркивает важность мер, повышающих безопасность городской среды и транспорта.

Важно добавить, что контексты меняются с возрастом. Хотя таблица отражает «общую картину» по полу, профиль мест существенно сдвигается в зависимости от возраста в момент насилия: в детстве чаще дом и учреждения, в подростковом возрасте — учебная среда и сверстники, после 18 лет возрастает роль работы и публичных пространств. Подробные возрастные различия по каждому виду насилия приведены в **Главе 3 «Обстоятельства насилия»**.

2.7. Профиль агрессора(-ов) системно отличается по видам насилия

Ключевые выводы

Буллинг в основном связан со сверстниками, кибербуллинг — с «незнакомыми» в цифровой среде при сохранении роли сверстников и знакомых, а физическое и психологическое насилие чаще связано с ближайшим окружением и устойчивыми отношениями (семья/сверстники/партнёры).

Для сексуализированного насилия одновременно значимы «незнакомый» и «знакомый/друг», а у девушек заметен вклад романтического партнёра.

Рассмотрим, кого пострадавшие чаще всего называли агрессорами при разных видах насилия, отдельно для юношей и девушек. В таблице 3 для каждого вида приведены пять наиболее часто упоминаемых категорий агрессора (множественный выбор: один респондент мог указать несколько людей/категорий, поэтому суммы процентов по строке могут превышать 100%). Таблица предназначена для быстрого сравнения типичного профиля агрессора между видами насилия и между полами.

Таблица 3. Пять наиболее часто упоминаемых категорий агрессора по видам насилия (среди пострадавших, множественный выбор, %)

Вид насилия	Юноши: ТОП-5 агрессоров	Девушки: ТОП-5 агрессоров
Физическое	Сверстник — 61,4; Член семьи — 29,8; Незнакомый человек — 29,6; Друг/знакомый — 18,8; Отчим/мачеха — 7,6*	Член семьи — 68,2; Сверстник — 30,4; Партнёр/супруг — 15,8; Друг/знакомый — 11,8; Незнакомый человек — 10,8
Психологическое	Сверстник — 58,7; Член семьи — 31,6; Незнакомый человек — 28,2; Преподаватель/учитель/тренер — 25,2; Друг/знакомый — 20,2	Член семьи — 54,7; Сверстник — 41,1; Преподаватель/учитель/тренер — 25,8; Партнёр/супруг — 24,9; Друг/знакомый — 21,9
Сексуализированное	Незнакомый человек — 34,0; Друг/знакомый — 33,6; Сверстник — 17,9; Сосед/соседка — 16,8; Член семьи — 12,1	Незнакомый человек — 47,5; Друг/знакомый — 30,9; Партнёр/супруг — 21,1; Сверстник — 17,8; Член семьи — 17,5
Буллинг	Сверстник — 81,5; Друг/знакомый — 23,3; Незнакомый человек — 22,1; Преподаватель/учитель/тренер — 21,6; Член семьи — 9,1	Сверстник — 89,5; Преподаватель/учитель/тренер — 22,6; Друг/знакомый — 19,3; Член семьи — 10,8; Незнакомый человек — 8,4
Кибербуллинг	Незнакомый человек — 60,7; Сверстник — 34,8; Друг/знакомый — 29,2; Преподаватель/учитель/тренер — 8,6; Партнёр/супруг — 8,2	Незнакомый человек — 56,7; Сверстник — 41,8; Друг/знакомый — 25,1; Партнёр/супруг — 6,4; Преподаватель/учитель/тренер — 2,3

Для физического и психологического насилия профиль агрессора связан с ближайшим окружением и устойчивыми отношениями. У девушек в физическом насилии доминирует семья, а в психологическом — семья и сверстники; у юношей чаще на первом месте сверстники, при заметной доле семьи и незнакомых.

Для буллинга наиболее характерен агрессор-сверстник (и у юношей, и у девушек), при этом заметна роль взрослых в образовательных организациях (учителя/тренеры).

Для кибербуллинга на первом месте «незнакомый человек» у обоих полов, что отражает специфику цифровой среды (анонимность, лёгкость совершения атак со стороны других пользователей), при сохранении значимой роли сверстников и знакомых.

Для сексуализированного насилия чаще фигурируют «незнакомый» и «знакомый/друг», а у девушек заметен вклад романтического партнёра и членов семьи.

Важно отметить, что профиль агрессора меняется с возрастом. В детстве чаще фигурирует семейное и ближайшее окружение, в подростковом возрасте возрастает роль сверстников и институциональной среды, а после 18 лет увеличивается вклад партнёрских отношений и «внешних» контактов (в том числе онлайн). Более подробное сравнение агрессоров по возрастным периодам приведено в *Главе 3 «Обстоятельства насилия»* для каждого вида насилия.

2.8. Для всех видов насилия наиболее выражены психологические последствия

Ключевой вывод

Для всех видов насилия наиболее выражены психологические последствия, особенно у девушек: именно по этой сфере фиксируются самые высокие средние оценки.

Во всех типах насилия наиболее высокими оказываются психологические последствия (особенно у девушек) (табл. 4). Максимальные средние значения у девушек (по 5-балльной шкале) — при психологическом насилии (3,8), физическом (3,6), сексуализированном (3,5) и буллинге (3,4). У юношей психологические последствия также выражены при разных видах насилия (около 2,7–3,0) и ниже при кибербуллинге (2,4).

Физические последствия в среднем заметно выше именно при физическом насилии (2,1 у юношей и 2,1 у девушек) и существенно ниже при психологическом насилии и буллинге (1,4–1,7), что ожидаемо по смыслу этих явлений.

Экономические последствия в среднем низкие для всех видов, но выделяются два момента: у юношей при сексуализированном насилии оценка тяжести экономических последствий выше (1,9), а при кибербуллинге у юношей экономическая оценка выше, чем у девушек (1,8 против 1,4), что согласуется с тем, что часть онлайн-случаев включает финансовый вред/затраты (вымогательство, восстановление доступа, техническая помощь).

Таблица 4. Средние оценки последствий (1–5, где 1 означало «без последствий», а 5 — «крайне тяжёлые последствия») по видам насилия и полу (средние значения, М)

Вид насилия	Физические последствия (например, травмы, кровоподтеки, боль, инфекции)		Психологические (например, тревожность, страх, депрессия, сложности в отношениях)		Экономические (например, затраты на лечение, потеря дохода, расходы на помощь)	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Физическое	2,1	2,1	2,7	3,6	1,5	1,5
Психологическое	1,7	1,5	3,0	3,8	1,6	1,8
Сексуализированное	1,8	1,6	2,9	3,5	1,9	1,5
Буллинг	1,6	1,4	2,9	3,4	1,4	1,4
Кибербуллинг	—	—	2,4	2,9	1,8	1,4

Важно отметить, что выраженность последствий связана с возрастом, в котором произошло насилие. Наиболее высокие средние оценки психологических последствий чаще связаны с опытом, относящимся к детству (0–11 лет) и/или подростковому возрасту (12–17 лет), что согласуется с тем, что ранний и длительный опыт сильнее влияет на чувство безопасности, доверие и самооценку.

Для части видов насилия после 18 лет немного возрастает выраженность физических и экономических последствий (например, когда меняется контекст на работу или публичные пространства), но психологические последствия остаются значимыми и во взрослом возрасте. Подробные возрастные профили (0–11, 12–17, 18+) по каждому виду насилия приведены в **Главе 3 «Обстоятельства насилия»**.

2.9. Наиболее «латентные» виды — кибербуллинг и сексуализированное насилие

Ключевой вывод

Наиболее латентные виды насилия - кибербуллинг и сексуализированное насилие (особенно у юношей), тогда как при психологическом насилии, физическом насилии и буллинге чаще подключаются и близкие, и профессионалы.

Среди девушек наиболее высокая доля тех, кто никому не рассказал о насилии, в случаях кибербуллинга (27,0%) и сексуализированного насилия (20,5%). У юношей наиболее высокая доля тех, кто никому не рассказал о насилии — при сексуализированном насилии (37,0%), а на втором месте — кибербуллинг (28,3%) (табл. 5).

Таблица 5. Обращение за помощью после разных видов насилия, по полу (среди пострадавших, %)

Вид насилия (личный опыт)	Пол	Рассказали близким, %	Обращались к профессионалам, %	Никому не рассказали, %
Физическое	Юноши	74,2	17,3	24,3
	Девушки	77,6	32,0	15,6
Психологическое	Юноши	76,3	26,1	18,2
	Девушки	81,0	37,3	12,7
Сексуализированное	Юноши	48,1	25,2	37,0
	Девушки	72,6	21,6	20,5
Буллинг	Юноши	70,0	28,8	22,4
	Девушки	77,2	27,8	17,3
Кибербуллинг	Юноши	65,0	16,0	28,3
	Девушки	67,6	17,8	27,0

Примечание: «обращались к близким» и «обращались к профессионалам» — множественный выбор (один человек мог обратиться и к близким, и к профессионалам), поэтому эти два столбца не суммируются до 100%. Показатель «ни к кому не обращались» отражает долю тех, кто никому не рассказал и ни к кому не обращался, и удобен для сравнения уровней латентности.

Гендерные различия наиболее выражены при сексуализированном насилии. У юношей заметно ниже обращение к близким (48,1% против 72,6% у девушек) и существенно выше доля тех, кто никому не рассказал о случившемся (37,0% против 20,5%). Это согласуется с гипотезой о более сильной стигме и барьерах признания сексуализированного насилия у мужчин, а также с меньшей готовностью делиться с ближайшим окружением.

Глава 3. Обстоятельства, последствия и обращение за помощью для отдельных видов насилия³

После вопросов об опыте насилия, участникам, которые сообщали, что с ними лично происходил тот или иной вид насилия, предлагался блок уточняющих вопросов: где это происходило, кто совершал, как часто повторялось и какие последствия человек отмечает. Для каждого вида насилия этот блок заполняли только те, у кого был соответствующий личный опыт; поэтому в разных разделах используются разные знаменатели (табл. 6).

Таблица 6. Количество участников исследования, ответивших на блоки анкеты об отдельных видах насилия

Тип насилия	Участники, сообщившие об опыте насилия (N), абс.зн.	Участники, согласившиеся ответить на вопросы об обстоятельствах (N), абс.зн.
Физическое	1061	997
Психологическое	1680	1537
Сексуализированное	1071	993
Буллинг	1347	1245
Кибербуллинг	578	523

³ Расчеты по этому разделу представлены в приложении В

Вопросы о местах и о категориях агрессора были с множественным выбором: один человек мог отметить несколько вариантов, поэтому суммы процентов в таких списках могут превышать 100%.

Отдельно обстоятельства анализировались по возрасту в момент насилия (0–11, 12–17, 18+). Важно: один и тот же человек мог сталкиваться с насилием в разных возрастах, поэтому проценты по возрастным категориям не суммируются до 100%.

Последствия опыта насилия оценивались с помощью краткой самооценки по трём сферам: физической, психологической и экономической. После блока вопросов об опыте насилия респондентам предлагалось оценить, насколько тяжёлыми были последствия для них по шкале 1–5, где 1 означало «без последствий», а 5 — «крайне тяжёлые последствия».

3.1. Физическое насилие

В анкете под физическим насилием понимались ситуации, когда к человеку применяли физическую силу (например, били, пинали, избивали), независимо от того, кто это делал и где это происходило.

Места совершения насилия

Ниже перечислены места, где юноши и девушки чаще всего сообщали о случаях физического насилия (множественный выбор); варианты отсортированы по убыванию доли упоминаний (респондент мог выбрать несколько мест).

У юношей физическое насилие чаще всего связано с учебной средой и публичными пространствами (учебное заведение и улица/парк). У девушек физическое насилие чаще всего локализуется в домашней среде — дом с большим отрывом занимает первое место.

<i>Юноши (от более частого к менее частому):</i>	<i>Девушки (от более частого к менее частому):</i>
В учебном заведении — 56,1%	У вас дома — 75,1%
На улице, в парке, на парковке — 41,8%	В учебном заведении — 26,4%
У вас дома — 32,1%	На улице, в парке, на парковке — 20,6%
В подъезде/на лестнице/в лифте — 8,4%	В подъезде/на лестнице/в лифте — 7,3%
В баре/клубе — 3,1%	В общественном транспорте — 4,0%
На работе — 2,9%	В баре/клубе — 2,1%
В общественном транспорте — 1,6%	На работе — 1,7%
В общежитии — 0,5%	В общежитии — 1,3%
(затруднились ответить — 1,0%)	(затруднились ответить — 1,0%)

Возраст в момент насилия

Далее показано, в каких местах физическое насилие чаще отмечалось в разные возрастные периоды; внутри каждой возрастной группы места отсортированы от наиболее часто упоминаемых к менее часто упоминаемым (множественный выбор).

Можно отметить, что с возрастом меняется контекст совершения физического насилия. В детстве физическое насилие чаще всего связано с домом, а вторым важным контекстом выступает образовательная среда. В подростковом возрасте основное место совершения смещается в учебную среду и уличные пространства, а дом остаётся значимым, но уже не доминирующим контекстом. После 18 лет вновь на первое место выходит дом и публичные места (улица/парк), при этом учебное заведение становится менее значимым контекстом.

0–11 лет:	12–17 лет:	18+ лет:
Дома — 71,0%	В учебном заведении — 43,2%	Дома — 50,7%
В учебном заведении — 41,4%	На улице/в парке/на парковке — 36,5%	На улице/в парке/на парковке — 33,8%
На улице/в парке/на парковке — 26,0%	Дома — 31,7%	Подъезд/лифт — 8,6%
Далее с меньшей частотой: подъезд/лифт (7,4%), транспорт (3,0%).	Далее: подъезд/лифт (8,9%), работа и транспорт (по 3,3%), бар/клуб (2,6%), общежитие (0,7%).	Учебное заведение — 8,5%
		Далее: бар/клуб и работа (по 5,6%), общежитие и транспорт (по 1,4%).

Личность агрессора

Ниже представлены категории людей, которых юноши и девушки чаще всего называли агрессорами в случаях физического насилия; категории отсортированы по убыванию частоты упоминаний (множественный выбор).

В ответах юношей лидируют сверстники, а семья и незнакомые люди занимают следующие позиции. В ответах девушек доминирует насилие со стороны членов семьи; заметно также присутствие партнерского насилия, которое редко отмечается у юношей.

Юноши (ранжирование):	Девушки (ранжирование):
Сверстник (одноклассник/одногоруппник) — 61,4%	Член семьи — 68,2%
Член семьи — 29,8%	Сверстник (одноклассник/одногоруппник) — 30,4%
Незнакомый человек — 29,6%	Партнёр(ша)/супруг(а) — 15,8%
Друг или знакомый — 18,8%	Друг или знакомый — 11,8%
Далее: отчим/мачеха (7,6%), учитель/тренер (7,6%), партнёр(ша)/супруг(а) (7,3%) и др.	Незнакомый человек — 10,8%
	Далее: отчим/мачеха (6,7%), учитель/тренер (4,0%) и др.

Далее показано, какие категории агрессоров чаще назывались в зависимости от возраста пострадавшего(-шей) в момент насилия; внутри каждой возрастной группы категории отсортированы по убыванию доли упоминаний (множественный выбор):

0–11 лет: член семьи (71,2%), затем сверстник (45,8%); заметны также «незнакомый человек» (16,7%) и «друг/знакомый» (13,3%).

12–17 лет: на первое место выходят сверстники (48,3%), затем член семьи (25,8%), далее незнакомые (20,3%) и друзья/знакомые (18,9%).

18+ лет: резко возрастает роль партнёра/супруга (41,4%); далее незнакомый человек (30,0%), затем член семьи (15,5%) и сверстники (12,7%).

В детстве наиболее частный агрессор – это член семьи, что согласуется с наиболее часто упоминаемым контекстом насилия в этом возрасте – дома. В подростковом возрасте на первом месте оказываются сверстники, что согласуется с доминированием школьной/учебной среды как контекста насилия. После 18 лет резко возрастает роль партнёра/супруга как агрессора (что также согласуется с наиболее часто упоминаемым местом насилия в этом возрасте – дома).

У юношей чаще указывался агрессор мужского пола (69,4%); у девушек — 41,2%. При этом у девушек заметно выше доля случаев, где агрессорами были женщины (20,6%) или «оба пола» (37,6%).

Пол агрессора в зависимости от возраста пострадавшего(-ей) в момент совершения насилия был следующим:

- 0–11 лет: «оба пола» — 43,8%, мужчины — 40,5%, женщины — 15,3%.
- 12–17 лет: мужчины — 72,0% (преобладающий вариант).
- 18+ лет: мужчины — 77,5% (преобладающий вариант).

Более высокая доля женщин-агрессоров (20,6%) и ситуаций «оба пола» (37,6%) в ответах девушек о поле агрессора указывает на то, что существенная часть физического насилия в их детском опыте связана, по-видимому, с воспитательными практиками: в семейных конфликтах и наказаниях физическую силу могли применять разные члены семьи, в том числе матери и старшие сестры. Для пострадавших 12 лет и старше в преобладающем числе случаев агрессором являются мужчины как по отношению к девушкам, так и по отношению к юношам.

Частота насилия

Физическое насилие для значительной части респондентов имеет не эпизодический, а повторяющийся характер, причем профиль повторяемости различается по полу и возрасту.

Во-первых, среди девушек чаще встречаются хронические (многократные) случаи: 37,5% указали «больше 10 раз», тогда как среди юношей — 26,6%. Одновременно доля разовых эпизодов у девушек заметно ниже (10,0% против 21,4% у юношей). Это согласуется с тем, что у девушек физическое насилие чаще локализуется в домашней/семейной среде, где проявления агрессии могут повторяться и становиться устойчивым паттерном.

Во-вторых, возрастные различия указывают на смену частоты (систематичности) насилия. В детстве (0–11 лет) доминируют многократные случаи: почти половина (45,1%) отмечают «10+», а разовые эпизоды редки (4,9%). Такой профиль типичен для домашнего насилия или повторяющихся практик физического наказания детей.

В подростковом возрасте (12–17 лет) картина становится более «смешанной»: чаще встречаются ответы «2–3 раза» (29,6%) и «1 раз» (25,9%). Это может отражать увеличение роли сверстников и учебного контекста, где физическое насилие может проявляться как единичный инцидент или как серия инцидентов (повторяющиеся конфликты).

После 18 лет физическое насилие чаще описывается как единичный эпизод (47,8%). Это может быть связано с тем, что у молодых взрослых меняется контекст жизни, а также появляется больше возможностей прерывать контакт, менять среду и выбирать способы защиты и обращения за помощью.

Связь опыта в детстве, подростковом возрасте и 18+

Подростковый опыт физического насилия (12–17) нередко имеет «предысторию» в детстве. Среди тех, кто сообщил о физическом насилии в 12–17, более половины отмечают физическое насилие и в 0–11 (58,4%). У многих в возрасте до 11 уже были психологическое насилие (52,1%) и буллинг (36,1%), тогда как сексуализированное насилие (10,6%) и кибербуллинг (7,0%) в детстве встречаются реже.

Опыт физического насилия в 18+ имеет предысторию в подростковом периоде: среди тех, кто столкнулся с физическим насилием в 18+, у 64,3% оно было и в 12–17. В этой группе также часто

встречаются подростковые психологическое насилие (63,9%) и буллинг (49,1%), а также сексуализированное насилие (26,9%) и кибербуллинг (21,8%).

Последствия

Результаты показывают, что даже когда речь идет о физическом насилии, наиболее выраженная «нагрузка» часто приходится не на физические, а на психологические последствия — особенно у девушек. При этом экономические последствия в среднем выражены слабо.

В частности:

- Низкая доля тяжелых физических последствий (4–5 баллов) — около 1% у обеих групп — и умеренное среднее значение (2,1). Значительная часть эпизодов не приводила к тяжелым травмам либо воспринималась респондентами как не имеющая длительных физических последствий.
- Психологические последствия существенно более выражены и демонстрируют статистически значимый разрыв между юношами и девушками. Тяжелые психологические последствия (4-5 баллов) отмечают 25,5% девушек против 9,6% юношей, а средняя оценка по шкале 1-5 у девушек выше (3,6 против 2,7). Такое различие может отражать разные контексты и характер насилия: у девушек физическое насилие чаще связано с домашней средой и близкими отношениями и систематическим характером насилия, что может переживаться как нарушение базовой безопасности и доверия и сопровождаться длительным стрессом. У юношей чаще доминируют ситуации со сверстниками и в публичной среде, которые могут переживаться как «конфликт/инцидент», хотя и они не исключают тяжелых психологических последствий у части пострадавших.
- Экономические последствия в целом редки и имеют низкие средние оценки (1,5). Это ожидаемо для возраста 18–24 лет и для большинства контекстов физического насилия: прямые материальные потери (расходы, утрата имущества, потеря дохода) возникают реже, чем психологические эффекты.

Наконец, возрастной профиль средних оценок указывает на более тяжелые психологические последствия при физическом насилии, пережитом в детстве: средняя оценка психологических последствий выше в группе 0–11 лет (3,4), чем в 12–17 (3,1) и 18+ (2,9). Это согласуется с тем, что ранний опыт насилия, особенно в семейной среде, чаще воспринимается как длительно влияющий на чувство безопасности и доверие и может иметь накопительный эффект. Физические и экономические средние оценки меняются по возрасту незначительно (около 2,1–2,2 и 1,4–1,6).

Обращение за помощью

Большинство пострадавших не остаются с ситуацией один на один и обращаются за поддержкой к близким: 76,1% в целом (74,2% среди юношей и 77,6% среди девушек). К профессионалам обращается примерно каждый четвертый: 25,9% в целом (17,3% среди юношей и 32,0% среди девушек). Более частое обращение девушек к профессионалу может быть более тяжёлых психологических последствий после физического насилия, поэтому потребность в профессиональной помощи может быть объективно выше и лучше осознаваться. При этом 19,3% пострадавших ни к кому не обращались (24,3% среди юношей и 15,6% среди девушек). Нормы маскулинности и стигма («должен разобраться сам», «стыдно просить помощи») могут снижать готовность юношей обращаться к психологам, медикам или в официальные структуры.

Различия по возрасту в момент насилия для этих трех укрупненных показателей (обращение к близким / к профессионалам / ни к кому) статистически незначимы, поэтому далее основной акцент сделан на различиях по полу и на том, к кому именно обращались. Важно учитывать, что

это множественный выбор: один человек мог отметить несколько адресатов помощи, поэтому суммы долей могут превышать 100%.

К кому обращались из близкого окружения

Среди близких чаще всего рассказывали другу или подруге (53,9%), затем родителям (37,5%) и другим родственникам (26,4%); также заметна доля рассказов нынешнему партнеру/партнерше (19,4%). Эти паттерны в целом сохраняются независимо от того, к какому возрастному периоду относится инцидент (доли близких остаются сопоставимыми в 0–11, 12–17 и 18+). Различия по полу: юноши заметно чаще сообщают родителям (50,5% у юношей против 28,1% у девушек), а девушки чаще обращаются к другу/подруге (59,7% против 46,0% у юношей).

К каким профессионалам обращались

Если говорить о профессиональной помощи, наиболее частым адресатом является психолог/психотерапевт (17,3% среди пострадавших от физического насилия). Далее идут обращения к сотрудникам/руководителю организации, где это произошло (6,4%), в полицию/следственные органы (5,2%) и за медицинской помощью (4,1%). Обращения к адвокату/юристу (0,9%) и в кризисный центр (0,7%) встречаются редко.

Возрастные различия заметны на уровне отдельных каналов помощи. Обращение к психологу/психотерапевту чаще фиксируется для опыта, относящегося к 0–11 лет (20,7%) и к 18+ (20,0%), чем к 12–17 лет (11,8%). При этом доля обращений в полицию заметно выше в 18+ (11,4%), чем в 0–11 и 12–17 (по 4,4%), что может быть связано и с характером инцидентов, и с большей «доступностью» формального механизма заявления о преступлении во взрослом возрасте.

Краткие выводы

Профиль физического насилия у девушек и юношей различается. У девушек чаще звучит контекст дома и семьи (дом — 75,1%; агрессор — член семьи 68,2%). У юношей чаще — школьная/учебная среда и сверстники (учебное заведение — 56,1%; агрессор — сверстник 61,4%).

При изучении обстоятельств физического насилия в зависимости от возраста видна смена контекстов: в 0–11 лет сильнее роль семьи (71,2%), в 12–17 лет — сверстников и учебной среды, а в 18+ заметно возрастает вклад партнерского насилия (41,4%).

Физическое насилие часто оказывается не разовым эпизодом: у девушек 37,5% указывают «больше 10 раз», а для опыта в 0–11 лет характерна особенно высокая повторяемость («10+» — 45,1%), что указывает на то, что физическое насилие о котором говорят участники является частью семейного насилия или повторяющихся практик физического наказания детей. Если физическое насилие выявлено в подростковом возрасте или в 18+, его стоит рассматривать как маркер более ранней истории небезопасности и сопутствующих рисков (особенно психологического насилия и травмы).

Даже при физическом насилии наиболее заметная нагрузка ложится на психологические последствия (доля тяжелых психологических последствий составила 25,5% у девушек). Наиболее высокая оценка тяжести психологических последствий у тех, кто сообщил о физическом насилии в детстве до 11 лет.

При физическом насилии участники чаще всего обращаются за помощью к близким, прежде всего друзьям и семье.

Обращение к психологу/психотерапевту чаще фиксируется для опыта, относящегося к 0–11 лет и к 18+ , чем к 12–17 лет (11,8%). Это может отражать два разных механизма: в детстве помощь чаще организуют взрослые (родители/опекуны), а в 18+ молодые взрослые чаще могут обращаться самостоятельно; в подростковом возрасте барьеры обращения (стыд, страх огласки, недоверие, отсутствие понятных маршрутов) могут быть выше.

3.2. Психологическое насилие

В анкете под психологическим насилием понимались ситуации, связанные с угрозами, шантажом, манипуляциями, постоянной критикой, давлением или унижением. Этот опыт мог происходить как офлайн, так и онлайн; однако в блоке «обстоятельства» респондентов просили указать типичные жизненные контексты (дом, учебное заведение, улица и т.п.), чтобы понять, в каких средах психологическое насилие встречается чаще.

По данным исследования, о психологическом насилии как о личном опыте («было со мной») сообщили 42,1% респондентов; среди юношей — 30,8%, среди девушек — 53,7%.

Места совершения насилия

Ниже перечислены места, где юноши и девушки чаще всего подвергались психологическому насилию (множественный выбор); варианты отсортированы по убыванию доли упоминаний (респондент мог выбрать несколько мест). Ключевое наблюдение: психологическое насилие для обеих групп часто связано одновременно с учебной средой и домом, но у девушек домашний контекст выражен значительно сильнее.

Юноши (от более частого к менее частому):	Девушки (от более частого к менее частому):
В учебном заведении — 63,2%	У вас дома — 65,4%
У вас дома — 40,3%	В учебном заведении — 53,8%
На улице, в парке, на парковке — 25,8%	На улице, в парке, на парковке — 19,2%
На работе — 13,2%	На работе — 11,0%
В подъезде, на лестнице, в лифте — 12,2%	В общественном транспорте — 8,2%
В общественном транспорте — 6,6%	В подъезде, на лестнице, в лифте — 7,6%
В общежитии — 6,2%	В баре/клубе — 3,5%
В баре/клубе — 4,5%	В общежитии — 2,8%
(затруднились ответить — 3,1%)	(затруднились ответить — 2,7%)

Возраст в момент насилия

Далее рассмотрим, в каких местах психологическое насилие чаще отмечалось в разные возрастные периоды; внутри каждой возрастной группы места отсортированы от наиболее часто упоминаемых к менее часто упоминаемым (множественный выбор).

В детстве и подростковом возрасте психологическое насилие чаще связано с домом и учебной средой, а после 18 лет доля «учебного заведения» резко снижается, при сохранении значимости домашнего и рабочего контекстов.

0–11 лет:	12–17 лет:	18+ лет:
У вас дома — 71,9%	В учебном заведении — 56,4%	У вас дома — 48,7%
В учебном заведении — 66,2%	У вас дома — 41,4%	В учебном заведении — 22,7%
На улице, в парке, на парковке — 23,5%	На улице, в парке, на парковке — 21,2%	На улице, в парке, на парковке — 20,2%
Далее с меньшей частотой: в транспорте (10,8%), подъезд/лифт (11,3%), общежитие (4,2%),	Далее: подъезд/лифт (7,3%), на работе (6,4%), транспорт (5,4%), общежитие (4,0%), бар/клуб (3,3%).	Далее: на работе (15,1%), подъезд/лифт (10,1%), общежитие (2,5%), транспорт (2,5%), бар/клуб (2,5%).

(затруднились ответить — 1,0%)

(затруднились ответить — 1,9%)

(затруднились ответить — 2,5%)

Личность агрессора

Ниже представлены категории людей, которых юноши и девушки чаще всего называли агрессорами в случаях психологического насилия; категории отсортированы по убыванию частоты упоминаний (множественный выбор).

Можно отметить, что у юношей чаще фигурируют сверстники и незнакомые люди (что согласуется с высокой ролью учебной среды у мальчиков), тогда как у девушек гораздо чаще упоминаются члены семьи и партнёры (что согласуется с доминированием «дома» как места).

Юноши (ранжирование):

Сверстник (например, одноклассник, одноклассник) — 58,7%
Член семьи (родитель, брат, сестра, другой родственник) — 31,6%
Незнакомый человек — 28,2%
Преподаватель, учитель, тренер — 25,2%
Друг или знакомый — 20,2%
Партнёрша, супруга — 11,4%
Коллега, начальник — 8,2%
Отчим / мачеха — 5,2%
Сосед / соседка — 4,3%
(затруднились ответить — 2,7%)

Девушки (ранжирование):

Член семьи — 54,7%
Сверстник — 41,1%
Преподаватель, учитель, тренер — 25,8%
Партнёр / супруг — 24,9%
Друг или знакомый — 21,9%
Незнакомый человек — 13,5%
Коллега, начальник — 8,5%
Отчим / мачеха — 8,4%
Сосед / соседка — 3,2%
(затруднились ответить — 1,2%)

Далее показано, какие категории агрессоров чаще назывались в зависимости от возраста в момент насилия; внутри каждой возрастной группы категории отсортированы по убыванию доли упоминаний (множественный выбор). Можно заметить, что наиболее «частый агрессор» заметно меняется с возрастом — от семейного окружения, сверстников и педагогов в детстве и подростковом возрасте к партнерским отношениям после 18 лет.

0–11 лет:

Член семьи — 69,3%
Сверстник — 56,6%
Преподаватель/учитель/тренер — 35,5%
Друг или знакомый — 25,2%
Незнакомый человек — 19,1%
Отчим/мачеха — 10,2%
Сосед/соседка — 5,0%
(затруднились ответить — 0,5%)

12–17 лет:

Сверстник — 46,5%
Член семьи — 26,6%
Партнёр/супруг — 20,5%
Незнакомый человек — 19,7%
Преподаватель/учитель/тренер — 17,9%
Друг или знакомый — 20,3%
Отчим/мачеха — 5,4%
Коллега/начальник — 3,9%
Сосед/соседка — 3,1%
(затруднились ответить — 0,4%)

18+ лет:

Партнёр/супруг — 42,9%
Член семьи — 16,0%
Незнакомый человек — 16,8%
Сверстник — 15,0%
Преподаватель/учитель/тренер — 11,8%
Коллега/начальник — 10,9%
Друг или знакомый — 9,2%
Отчим/мачеха — 0,0%
Сосед/соседка — 0,0%
(затруднились ответить — 0,0%)

У юношей чаще указывался агрессор мужского пола (47,1%), у девушек — 33,3%. При этом у девушек выше доля ситуаций, где агрессорами были «оба пола» (50,4% против 38,6% у юношей). Таким образом, для психологического насилия особенно заметна «смешанная» картина (агрессоры обоих полов), что согласуется с высокой ролью семейного и ближайшего окружения.

Пол агрессора в зависимости от возраста пострадавшего(-ей) в момент совершения психологического насилия:

- 0–11 лет: «оба пола» — 58,2%, мужчины — 28,7%, женщины — 12,6%.
- 12–17 лет: «оба пола» — 38,0%, мужчины — 43,9%, женщины — 16,8%.
- 18+ лет: мужчины — 71,4% (преобладающий вариант), «оба пола» — 13,4%, женщины — 14,3%.

По мере взросления возрастает доля мужчин-агрессоров, а в детском возрасте наиболее типична ситуация «оба пола», что косвенно указывает на важность семейного и ближайшего окружения как контекста раннего опыта.

Частота насилия

Психологическое насилие по своему определению часто является систематическим (давление, унижение, контроль обычно проявляются серией эпизодов, а не единичным инцидентом). Это подтверждается распределением частоты (среди тех, кто сообщил об опыте психологического насилия):

Юноши: 1 раз — 13,4%; 2–3 раза — 16,3%; 4–10 раз — 20,2%; больше 10 раз — 40,0%.

Девушки: 1 раз — 4,8%; 2–3 раза — 8,2%; 4–10 раз — 11,4%; больше 10 раз — 53,6%.

В детском возрасте психологическое насилие чаще имеет длительный повторяющийся характер; с возрастом растет доля «единичных» эпизодов, но полностью систематический профиль не исчезает. По возрасту в момент насилия (среди тех, кто сообщил об опыте психологического насилия):

0–11 лет: доминируют случаи «10+» — 63,3% (1 раз — 3,5%).

12–17 лет: также преобладают «10+» — 38,6%, при заметных долях 4–10 раз (19,9%) и 2–3 раза (18,0%).

18+ лет: чаще встречаются единичные эпизоды, чем в детстве (1 раз — 22,5%), однако «10+» сохраняется на высоком уровне (36,7%).

Связь опыта в детстве, подростковом возрасте и 18+

Психологическое насилие в подростковом возрасте часто является продолжением опыта начавшегося в детстве. Среди тех, кто сообщил о психологическом насилии в 12–17, у 52,7% оно было и в 0–11. В детстве до 11 лет у этой же группы нередко встречаются физическое насилие (38,3%) и буллинг (34,0%), тогда как сексуализированное насилие (11,2%) и кибербуллинг (6,8%) встречаются заметно реже.

Психологическое насилие в 18+ очень часто является продолжением подросткового периода: среди тех, кто столкнулся с психологическим насилием в 18+, у 78,8% оно было и в 12–17. При этом в подростковом возрасте у них нередко уже отмечались буллинг (55,4%) и физическое насилие (44,7%), а также сексуализированное насилие (30,0%).

Последствия

Для психологического насилия основная нагрузка ожидаемо приходится на психологические последствия, причем у девушек они выражены существенно сильнее; связанные с психологическим насилием физические и экономические последствия встречаются реже и в среднем оцениваются ниже.

Разрыв по психологическим последствиям между юношами и девушками статистически значим (и по доле тяжёлых, и по среднему уровню).

Доля тяжёлых последствий (оценки 4–5), по полу:

Физические тяжёлые последствия: 0,6% у юношей и 1,6% у девушек.

Психологические тяжёлые последствия: 10,8% у юношей и 30,9% у девушек.

Экономические тяжёлые последствия: 3,0% у юношей и 3,9% у девушек.

Средние оценки последствий (M), по полу:

Физические: 1,7 ($\pm 0,88$) у юношей и 1,5 ($\pm 0,92$) у девушек.

Психологические: 3,0 ($\pm 1,20$) у юношей и 3,8 ($\pm 1,08$) у девушек.

Экономические: 1,6 ($\pm 1,01$) у юношей и 1,8 ($\pm 1,15$) у девушек.

Наиболее высокие средние оценки психологических последствий относятся к опыту в детстве (0–11), что согласуется с идеей накопительного эффекта и высокой повторяемости раннего опыта:

Средние оценки последствий по возрасту:

Физические: 1,6 (0–11), 1,5 (12–17), 1,6 (18+).

Психологические: 3,7 (0–11), 3,4 (12–17), 3,3 (18+).

Экономические: 1,8 (0–11), 1,5 (12–17), 2,0 (18+).

Обращение за помощью

Большинство пострадавших не остаются с ситуацией один на один и обращаются за поддержкой к близким: 79,2% в целом (76,3% среди юношей и 81,0% среди девушек).

К профессионалам обращается примерно каждый третий: 33,1% в целом (26,1% среди юношей и 37,3% среди девушек). Более частое обращение девушек к профессионалам может быть связано с тем, что последствия психологического насилия у них в среднем тяжелее (в том числе выше доля тяжелых психологических последствий), поэтому потребность в профессиональной поддержке может быть объективно выше и лучше осознаваться.

При этом 14,7% пострадавших ни к кому не обращались (18,2% среди юношей и 12,7% среди девушек). Как и в других блоках, это может отражать барьеры обращения, особенно у юношей (стигма, установка «справлюсь сам», сомнения, что «это достаточно серьёзно»).

Различия по возрасту в момент насилия в целом умеренные, но выделяется подростковый период 12–17 лет: именно здесь немного чаще встречается вариант «ни к кому не обращался/лась» (17,4% против 13,1% для 0–11 и 10,1% для 18+).

Важно учитывать, что это множественный выбор: один человек мог отметить несколько адресатов помощи, поэтому суммы долей могут превышать 100%.

К кому обращались из близкого окружения

Среди близких чаще всего рассказывали другу или подруге (58,4%), затем родителям (40,9%), другим родственникам (25,0%) и партнеру/партнерше (20,9%).

Профиль обращений ожидаемо различается по полу: юноши чаще сообщают родителям (46,5%), тогда как девушки чаще обращаются к другу/подруге (62,7%) и заметно чаще обсуждают ситуацию с партнером/партнершей (26,1% у девушек против 12,2% у юношей).

К каким профессионалам обращались

Главный профессиональный канал помощи при психологическом насилии — психолог/психотерапевт (26,0% среди пострадавших). Далее с большим отрывом следуют обращения к сотрудникам/руководителю организации, где происходило насилия (4,7%), за

медицинской помощью (4,0%) и в полицию/следственные органы (3,2%). Обращения к адвокату/юристу (1,3%) и в кризисный центр (1,1%) встречаются редко.

Здесь также заметны гендерные различия: к психологу/психотерапевту обращались 33,0% девушек и 13,6% юношей. По возрасту видно, что в 18+ чаще подключаются формальные и медицинские каналы: например, доля обращений в полицию возрастает до 9,2% (против 1,1% в 0–11), а обращений за медицинской помощью — до 8,3% (против 3,8% в 0–11).

Краткие выводы

Психологическое насилие — один из наиболее распространенных видов насилия: 42,1% в целом (30,8% у юношей и 53,7% у девушек).

Для обеих групп ведущими контекстами совершения психологического насилия являются учебная среда и дом, однако у девушек значительно сильнее выражен домашний контекст (65,4% против 40,3% у юношей).

По возрасту меняются агрессоры психологического насилия: в 0–11 лет доминирует семья, в 12–17 — усиливается роль сверстников и педагогов, после 18 лет заметно растет доля партнерского насилия.

Психологическое насилие чаще носит систематический (повторяющийся) характер, особенно у девушек (10+ эпизодов: 53,6% у девушек против 40,0% у юношей).

Психологическое насилие показывает сильную возрастную преемственность от детства к 18+.

Основная нагрузка проявляется в психологических последствиях; у девушек доля тяжелых психологических последствий почти втрое выше, чем у юношей (30,9% против 10,8% у юношей), а средняя оценка психологических последствий выше (3,8 против 3,0).

После психологического насилия чаще всего задействуется поддержка близких (в 8 из 10 случаев), а каждый третий обращается к профессионалам, причем девушки обращаются за профессиональной помощью заметно чаще.

3.3. Сексуализированное насилие

В анкете под сексуализированным насилием понимались действия сексуализированного характера без согласия, включая как офлайн-формы (например, нежелательные прикосновения, попытки или совершение изнасилования, демонстрация интимных частей тела), так и онлайн-формы (например, нежелательные сексуальные сообщения, давление/принуждение делиться интимным контентом, угрозы или распространение интимных изображений).

О сексуализированном насилии как о личном опыте («было со мной») сообщили 22,0% участников исследования в целом; среди юношей — 6,5%, среди девушек — 37,7%.

Конкретизация действий

Сексуализированное насилие — самый четко очерченный с точки зрения права блок анкеты: в отличие от психологического насилия или буллинга, здесь идет речь о действиях, которые в российском законодательстве однозначно относятся к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ; в частности, ст. 131, 132, 133, 134, 135 УК РФ).

Для более точной оценки ситуации респондентам предлагалось указать конкретные действия агрессора — отдельно для офлайн- и онлайн-контекста, чтобы точнее оценить вклад разных форм сексуализированного насилия в общий уровень (табл. 7).

Для девушек наиболее характерны две формы: получения нежелательных сексуальных сообщений/контента онлайн (60,2%) и нежелательные прикосновения к интимным частям тела оффлайн (56,1%). Для юношей профиль более смешанный: относительно часто упоминаются демонстрация интимных частей тела/требование показать (41,1%) и получение нежелательные сексуальные сообщения онлайн (38,3%) (табл. 3.3.1)

Каждый четвертый случай сексуализированного насилия (24,2% от числа сообщивших о насилии) – включал в себя изнасилование («принудил к половому акту без согласия»), еще одна треть случаев (34,5%) – это попытка, но участнику удалось защититься (убежать, позвать на помощь).

Таблица 7. Сексуализированное насилие: конкретные офлайн- и онлайн- действия агрессора (множественный выбор), % от подвыборки сообщивших об опыте сексуализированного насилия (n=993)

Офлайн-формы	Онлайн-формы
<ul style="list-style-type: none"> – Показывал(а) интимные части тела или требовал(а) показать ваши: юноши 41,1%; девушки 37,0%; всего 37,7. – Прикасался(ась) к своим интимным частям тела с целью самоудовлетворения: юноши 21,5%; девушки 27,7%; всего 26,7. – Трогал(а) ваши интимные части тела без согласия: юноши 29,0%; девушки 56,1%; всего 51,9. – Пытался(ась) принудить к половому акту, но вам удалось избежать: юноши 30,8%; девушки 35,2%; всего 34,5%. – Принудил(а) к половому акту без согласия (изнасилова (-а): юноши 17,0%; девушки 25,6%; всего 24,2%. 	<ul style="list-style-type: none"> – Прислал(а) нежелательные сексуальные сообщения/контент: юноши 38,3%; девушки 60,2%; всего 56,8. – Принуждал(а) или заставлял(а) отправлять интимные фото/видео: юноши 27,1%; девушки 27,6%; всего 27,5. – Совершал(а) сексуализированные действия онлайн с целью вовлечь вас: юноши 18,7%; девушки 12,9%; всего 13,8. – Угрожал(а) распространением интимных изображений: юноши 25,2%; девушки 19,6%; всего 20,4. – Шантажировал(а) угрозой распространения интимных изображений: юноши 25,2%; девушки 14,8%; всего 16,4. – Опубликовал(а) или поделился(ась) вашими интимными изображениями без согласия: юноши 10,3%; девушки 8,7%; всего 9,0.

Места совершения насилия

Исследование показывает два ключевых контекста совершения сексуализированного насилия — дом и интернет/соцсети. Также, у девушек заметно выше доля публичных пространств (улица/парк, общественный транспорт), что согласуется с общей картиной субъективной небезопасности девушек в публичной среде, о которой мы говорили в разделе 2.1.

Юноши (наиболее частые места совершения сексуализированного насилия, %)

В интернете, соцсетях — 39,3
 У вас дома — 34,6
 В учебном заведении — 14,0
 В общежитии — 11,3
 На улице/в парке — 11,2
 На работе — 10,3
 Подъезд/лестница/лифт — 7,5
 Бар/клуб — 5,6
 Общественный транспорт — 2,8

Девушки (наиболее частые места совершения сексуализированного насилия, %)

В интернете, соцсетях — 35,7
 У вас дома — 33,3
 На улице/в парке — 25,9
 Общественный транспорт — 13,6
 В учебном заведении — 11,2
 Подъезд/лестница/лифт — 7,5
 На работе — 4,3
 Бар/клуб — 3,8
 В общежитии — 2,6

Возраст в момент насилия

Контекст сексуализированного насилия меняется с возрастом, но два пространства остаются устойчивыми с точки зрения риска на всём протяжении взросления: дом и цифровая среда (интернет/социальные сети). Роль домашней среды значимо снижается с 48,5% в детстве до 31% у молодежи.

В детстве (0–11 лет) лидирует дом (48,5%), что указывает на значимость семейного и близкого окружения как основного контекста риска для ребёнка. Одновременно уже заметна роль интернета и соцсетей (33,9%) и публичной среды (улица/парк — 31,0%)

В подростковом возрасте (12–17 лет) на первое место выходит интернет/соцсети (41,1%). Это соответствует расширению онлайн-общения, знакомств и цифровых практик, где возрастает риск нежелательных сексуализированных контактов, давления и угроз. Дом и улица/парк сохраняют значимость (28,6% и 24,1%), но уступают цифровому контексту.

После 18 лет дом (31,0%) и интернет/соцсети (30,2%) остаются ведущими контекстами, однако заметно проявляется рабочая среда (9,4%) и снижается роль улицы/парка (11,1%). Это отражает смену жизненных условий молодых взрослых: больше времени на работе, самостоятельное проживание и отношения, а также сохранение значимого цифрового компонента риска.

Личность агрессора

По категориям агрессора видно, что риск не ограничивается «незнакомцами»: у обеих групп высока доля людей из ближайшего социального окружения - «друг/знакомый», а у девушек значим вклад партнерского насилия.

Юноши (ранжирование)	Девушки (ранжирование)
Незнакомый человек — 34,0	Незнакомый человек — 47,5
Друг или знакомый — 33,6	Друг или знакомый — 30,9
Сверстник (одноклассник/одногруппник) — 17,9	Партнёр/супруг — 21,1
Сосед/соседка — 16,8	Сверстник — 17,8
Член семьи — 12,1	Член семьи — 17,5
Партнёр/супруг — 11,2	(прочие категории встречаются реже)
(прочие категории встречаются реже)	

Важно отметить, что профиль агрессора также заметно меняется в зависимости от возраста. В детстве до 11 лет наиболее высока доля членов семьи (43,9%) и друзей/знакомых (29,8%) — то есть людей из ближайшего окружения ребёнка, которые имеют к нему регулярный доступ. Также в детстве часто фигурирует незнакомый человек (43,3%). В подростковом возрасте увеличивается доля незнакомцев (51,8%), а среди «знакомых» на первый план выходят друзья (31,0%) и романтические партнёры подростков (23,2%). В возрасте 18+ наиболее часто упоминаемыми агрессорами остаются друзья/знакомые (36,5%), незнакомый человек (31,7%) и романтический партнёр (20,6%)

Для девушек сексуализированное насилие в подавляющем большинстве случаев связано с агрессором мужского пола (91,3%), что соответствует общему пониманию гендерной структуры этого типа насилия. Для юношей профиль менее однороден: агрессор мужского пола — 51,9%; женского — 29,6%; оба пола — 8,3%; затруднились — 10,2%.

Частота насилия

У девушек чаще встречаются повторяющиеся и трудно классифицируемые по количеству раз ситуации (10+ и «другое»): 1 раз — 17,2%; 2–3 раза — 22,0%; 4–10 раз — 15,6%; 10+ — 15,5%; другое — 24,2%; затруднились — 5,5%.

Это типично для форм, которые могут разворачиваться как процесс (например, длительное давление, онлайн-преследование, серийные эпизоды).

У юношей чаще фиксируются разовые эпизоды (33,6%), но это не означает меньшую серьёзность — а скорее иной профиль контекста: 1 раз — 33,6; 2–3 раза — 23,4; 4–10 раз — 16,8; 10+ — 6,5; другое — 9,3; затруднились — 10,3.

По возрасту в момент насилия (ключевые различия):

- 0–11 лет: высока доля многократных случаев и категории «другое» (10+ — 19,3; 4–10 — 21,1; другое — 24,0).
- 12–17 лет: чаще 2–3 раза (24,4) и 1 раз (18,0), при заметной доле «другое» (20,8).
- 18+ лет: чаще 1 раз (34,1) и 2–3 раза (25,4).

Связь опыта в детстве, подростковом возрасте и 18+

Сексуализированное насилие в подростковом возрасте (12-17) нередко связано с ранней историей небезопасности. Среди тех, кто сообщил о сексуализированном насилии в 12–17, у 20,4% оно было и в 0–11. При этом в детстве у этой же группы значительно чаще встречаются другие формы насилия: психологическое (39,3%), буллинг (34,1%) и физическое (32,3%). Кибербуллинг в детстве в этой траектории встречается редко (6,0%).

Для опыта в 18+ сохраняется преемственность с подростковом периодом: среди тех, кто сообщил о сексуализированном насилии в 18+, у 52,6% оно было и в 12–17. Также у этой группы часто встречаются подростковые психологическое насилие (58,3%) и буллинг (57,6%), физическое насилие (30,0%) и кибербуллинг (20,6%).

Последствия

По оценкам респондентов, наиболее выраженные последствия сексуализированного насилия связаны с психологическим благополучием. Около четверти участников, сообщивших об этом опыте, оценивают психологические последствия как тяжёлые и очень тяжёлые (4–5 баллов): 26,7% в целом (24,7% у юношей и 27,0% у девушек). Средняя оценка психологических последствий также высокая — 3,5 балла в целом; при этом у девушек она выше (3,5), чем у юношей (2,9), что согласуется с тем, что у девушек чаще встречаются повторяющиеся и более длительные ситуации.

Отдельно отметим, что наиболее высокие психологические последствия связаны с опытом, относящимся к детству: средняя оценка в группе 0–11 лет составляет 3,9, затем снижается до 3,4 для 12–17 лет и 3,3 для 18+. На этом фоне физические и экономические средние оценки остаются низкими и меняются умеренно (физические: 1,6–1,9; экономические: 1,5–1,8).

Физические и экономические последствия в среднем выражены значительно слабее. Тяжёлые физические последствия (4–5) отмечают 2,3% участников (2,1% у юношей и 2,3% у девушек), а средняя оценка физических последствий составляет 1,6 (1,8 у юношей и 1,6 у девушек). Тяжёлые экономические последствия (4–5) встречаются у 2,9% (3,1% у юношей и 2,8% у девушек), средняя оценка — 1,6 (1,9 у юношей и 1,5 у девушек).

Обращение за помощью

Большинство пострадавших рассказали о случившемся своим близким: 68,8% в целом. К профессионалам обращается примерно каждый пятый(-ая): 22,3% в целом. При этом 22,9% ни к кому не обращались и никому не рассказывали.

Гендерные различия в обращении за помощью выражены особенно сильно. Среди девушек 72,6% рассказали близким, 21,6% — обратились к профессионалам, и 20,5% — ни к кому. Среди юношей обращение за поддержкой к близким встречается заметно реже (48,1%), а доля тех, кто ни к кому не обращался, существенно выше (37,0%). Обращение к профессионалам у юношей составляет 25,2%. Эти различия согласуются с общими барьерами раскрытия насилия у мужчин, которые мы можем наблюдать и в отношении других видов насилия.

Возрастные различия в обращении за поддержкой к близким и в отказе от обращения («ни к кому») в целом невелики: доля обращений к близким остается в диапазоне 66,7–71,5%, а доля тех, кто не обращался ни к кому, — 21,5–24,6%. Это означает, что вне зависимости от того, в каком возрасте происходили эпизоды сексуализированного насилия, базовый паттерн раскрытия/не-раскрытия ситуации остается достаточно стабильным: значимая часть людей говорит с близкими, но примерно каждый четвертый–пятый остаётся без поддержки.

При этом на уровне профессиональной помощи возрастные различия выражены сильнее. Наиболее часто «в поле зрения» специалистов оказываются случаи сексуализированного насилия, относящиеся к периоду 0–11 лет: профессиональная помощь фиксируется у 47,1% девушек и у 29,2% юношей, которые сообщили, что подверглись сексуализированному насилию в возрасте до 11 лет. Вероятно, это связано с тем, что для этого возраста характерны более тяжелые последствия насилия, ситуация могла быть более заметной для семьи или учреждений (детский сад, школа, медицина). Одновременно гендерный разрыв (47,1% против 29,2%) может отражать дополнительные барьеры выявления и раскрытия сексуализированного насилия в отношении мальчиков (реже распознают, реже направляют к специалистам).

К кому обращались из близкого окружения

Среди близких чаще всего рассказывали другу или подруге (53,5%), затем нынешнему партнеру/партнерше (26,0%), родителям (22,9%) и другим родственникам (13,2%).

Гендерный профиль обращений различается. Девушки существенно чаще рассказывают другу/подруге (57,1%) и партнёру (28,8%), а также чаще сообщают родителям (25,0%). Юноши чаще всего делятся этим опытом с другом/подругой (33,6%), а с родителями и партнерами, напротив, обсуждают этот опыт намного реже, чем девушки.

К каким профессионалам обращались

Главный профессиональный канал помощи — психолог/психотерапевт (18,8% среди пострадавших, различия по полу несущественны). Остальные формальные и медицинские каналы используются значительно реже: врач/медицинская помощь — 2,8%, полиция/следственные органы — 2,8%, кризисный центр — 1,9%, адвокат/юрист — 1,0%, сотрудники/руководство организации, где произошло насилие — 1,2%.

Практически это означает, что даже при сексуализированном насилии, являющемся уголовным преступлением, «маршрут помощи» чаще идёт через неформальную поддержку и психолога, тогда как обращения в правоохранительные органы и специализированные сервисы фиксируются редко, что может отражать недоверие, страх вторичной виктимизации и высокую «цену» огласки.

Краткие выводы

- Для многих респондентов сексуализированное насилие включает несколько разных форм, а интернет и социальные сети выступают одним из ключевых контекстов, в которых оно происходит.
- Сексуализированное насилие разворачивается в нескольких типичных средах: в родительском доме — в детском и подростковом возрасте; в совместном жилье с партнером — у молодых взрослых, в цифровой среде — у всех возрастов.

- Сексуализированное насилие не сводится к «нападению незнакомца». Во многих случаях агрессором оказывается человек из близкого или знакомого окружения (член семьи, знакомый, партнер), то есть риск часто связан с отношениями и доступом к ребенку, а не только с публичным пространством.
- Существенная доля «незнакомцев» в ответах закономерна и связана с широким распространением онлайн-контактов: в интернете и социальных сетях взаимодействие с незнакомыми людьми становится повседневным, границы общения размываются, агрессор получает возможность быстро установить контакт, действовать анонимно, повторять попытки и переходить к давлению и шантажу.
- Сексуализированное насилие в подростковом и взрослом возрасте часто встречается на фоне предшествующих психологического насилия и травли.
- После сексуализированного насилия чаще всего обращаются за поддержкой к близким (68,8%), реже — к профессионалам (22,3%), и почти четверть (22,9%) не обращается ни к кому.
- Наиболее уязвимая группа по барьерам обращения — юноши: у них значительно выше доля «никому не рассказывал» (37,0%) и заметно ниже обращение к близким (48,1%).
- В поле зрения профессиональной помощи чаще оказываются случаи сексуализированного насилия, относящиеся к периоду 0–11 лет, что связано вероятно с наблюдаемыми тяжелыми последствиями.

3.3.1. Развратные действия как форма сексуализированного насилия

Юридическое определение развратных действий

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности" дает широкое определение развратных действий: "К развратным действиям в статье 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям".

В том же постановлении указано, что "развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей".

Как оценивался опыт подверженности развратным действиям в исследовании

В этом исследовании под «развратными действиями» понимается аналитически сформированная группа отдельных форм сексуализированного насилия. Респондентам не задавался отдельный вопрос о «развратных действиях» как самостоятельной категории. Эта группа была выделена на этапе анализа на основе ответов о конкретных действиях. В нее включались участники, которые сообщили хотя бы об одном из следующих видов опыта:

- “кто-то показывал вам свои интимные части тела или требовал, чтобы вы показывали свои”;
- “кто-то прикасался к своим интимным частям тела с целью самоудовлетворения в вашем присутствии и без вашего согласия”;
- “кто-то трогал интимные части вашего тела без вашего согласия или требовал, чтобы вы трогали его/ее”;
- “вам присылали нежелательные сексуальные сообщения, изображения или видео”;

- “кто-либо прикасался к своим интимным частям тела с целью самоудовлетворения и демонстрировал это вам в прямом эфире (онлайн) без вашего согласия”.

Распространённость

С этим опытом сталкивается заметная доля молодежи: в целом он отмечен у 17,5% респондентов. При этом различия по полу очень выражены: среди юношей 4,5%, среди девушек 30,8% сообщили о том, что столкнулись с развратными действиями (приведены взвешенные проценты; различия между юношами и девушками статистически значимы).

Возраст пострадавшего(-ей) при совершении развратных действий

Ниже приведены доли участников, которые сообщили, что сталкивались с развратными действиями в том или ином возрасте, рассчитанные от всей выборки. Такой способ подачи позволяет показать общественную значимость проблемы в привязке к возрасту пострадавших. Сумма процентов по возрастным группам не равна общей доле, потому что один и тот же человек мог подвергаться таким действиям в разных возрастных периодах.

У девушек наиболее уязвим для развратных действий старший подростковый возраст, в том числе в 16–17 лет подвергались развратным действиям 13,5%, в возрасте 14–15 лет - 14,1%; заметна и доля раннего возраста до 11 лет (9,3%) и 12–13 лет (10,1%); после 18 лет — 8,1%.

У юношей значения низкие во всех возрастах (около 0,8–1,9%).

Попарные сравнения возрастных групп (применен критерий Мак Немара для связанных выборок) подтверждает: у девушек распределение по возрастам неоднородно и подростковый период выделяется статистически значимо чаще (16–17 лет и 14–15 лет) по сравнению с более младшими возрастами и возрастом 18+. При этом, статистически значимых различий в частоте опыта развратных действий у девушек между периодами 14-15 лет и в 16-17 лет не наблюдается.

Это говорит о том, что угроза не снижается с достижением старшего подросткового возраста. Статистически выделить «возраст риска» у юношей трудно из-за низкой распространенности.

Личность агрессора (для пострадавших от развратных действий в 16-17 лет)

Рассмотрим более подробно фигуру агрессора, совершившего развратные действия в отношении девушек 16-17 лет:

- незнакомый человек 49,8%;
- друг/знакомый 35,1%;
- партнёр 31,1%;
- сверстник 21,8%;
- член семьи 13,8%

(прочие категории встречаются реже).

(Примечание: проценты для юношей в этом разделе не рассчитаны, так как мало наблюдений).

Таким образом, риск развратных действий в отношении девушек 16–17 лет связан в значительной степени с незнакомцами. При этом заметная доля случаев приходится на круг общения и романтические отношения, что видно по категории «партнёр», что показывает важность проблемы насилия в романтических отношениях подростков (границы, согласие, давление).

Последствия

Ниже рассмотрим последствия развратных действий по показателю: доля «тяжелых» и «очень тяжёлых» последствий (оценки 4–5) по трем сферам. Проценты приведены по подвыборке сообщивших об опыте развратных действий (N=591).

Физические тяжёлые последствия встречаются редко: у девушек около 2% во всех возрастных периодах, у юношей 0%. Экономические тяжёлые последствия тоже редки и обычно составляют 1,7%-3,1%.

Главная нагрузка — психологические последствия. В целом по всем возрастам это примерно треть случаев и выше для всех возрастных групп:

- до 11 лет: 38,6%,
- 12–13 лет: 33,1%,
- 14–15 лет: 30,4%,
- 16–17 лет: 31,3%,
- 18+ лет: 36,1%.

Отдельно по полу: в 16–17 лет тяжёлые психологические последствия отмечают 34,8% юношей и 30,9% девушек (внутри группы переживших опыт).

Обращение за помощью

Как и в других видах насилия, основной маршрут обращения за помощью – к близким и реже – к профессионалам. Каждый пятый(-ая) – никому не рассказали о том, что произошло. Рассмотрим маршруты помощи более подробно в разрезе возрастных категорий совершения развратных действий:

- до 11 лет: к близким 71,3%; к профессионалам 31,0%; полиция 4,1%; никому не рассказали 21,5%;
- 12–13 лет: к близким 71,3%; к профессионалам 25,3%; полиция 3,8%; никому не рассказали 21,5%;
- 14–15 лет: к близким 68,5%; к профессионалам 22,7%; полиция 2,7%; никому не рассказали 22,1%;
- 16–17 лет: к близким 73,4%; к профессионалам 22,7%; полиция 4,0%; никому не рассказали 20,2%;
- 18+ лет: к близким 76,2%; к профессионалам 32,7%; полиция 6,0%; никому не рассказали 14,9%.

Распределение по полу среди тех, кто подвергся развратным действиям в 16–17 лет:

- к близким обратились: юноши 52,2%; девушки 75,6%;
- к профессионалам: юноши 34,8%; девушки 21,4%;
- обращение в полицию: юноши 25,0%; девушки 1,8%;
- никому не рассказывали: юноши 34,8%; девушки 18,8%.

(Примечание: проценты для юношей рассчитаны на очень малом числе наблюдений и носят ориентировочный характер).

Напомним, что «к близким», «к профессионалам» и «полиция» не взаимоисключают друг друга (человек мог отметить несколько вариантов). Показатель «никому не рассказывал(а)» отражает отсутствие обращение к всем источникам помощи.

Краткие выводы

1. Согласно ст. 135 УК РФ развратные действия считаются уголовно-наказуемыми только в случае, если потерпевшие не достигли возраста 16 лет. Исследование показывает, что подверженность развратным действиям не снижается в возрасте 16–17 лет, по сравнению с возрастом 14–15 лет. При этом у девушек подростковый возраст 14–15 и 16–17, действительно выделяется как значимый «период риска» для совершения развратных действий.
2. Тяжелые психологические последствия от развратных действий в 16–17 и 18 лет (31,3% и 36,1% соответственно) остаются на уровне младших подростковых возрастов. Таким образом, опыт развратных действий, полученный в 16–17 лет и после 18-ти лет, не сопровождается «смягчением» психологического ущерба.
3. Обращение за помощью в 16–17 и после 18-ти лет не становится заметно более частым, а отказ от обращения за помощью сохраняется на уровне младших подростков и детей. Следовательно, способность защитить себя через обращение за помощью к близким, к профессионалам, и в правоохранительные органы, в частности, не улучшается после достижения 16 лет.
4. Основная угроза развратных действий исходит от незнакомых людей. Однако в 16–17 лет среди агрессоров заметна доля категории «партнер» (у девушек 31,1%). Это означает, что значимая часть случаев связана с романтическими отношениями подростков, где давление и нарушение границ часто труднее распознаются и еще труднее выносятся «наружу» через обращение за помощью.
5. На границе 16 лет возникает правовой разрыв для состава «развратные действия», но данные не показывают снижения общественной опасности для потерпевших старше 16 лет, что обосновывает необходимость профилактики и обсуждение правовых пробелов именно для этой возрастной группы.

3.4. Буллинг

В анкете под буллингом понимались ситуации травли со стороны других людей — например, высмеивание, оскорбления, принуждение к нежелательным действиям, игнорирование или исключение. Речь шла именно о поведении, которое причиняет вред и может повторяться.

По данным исследования, о буллинге как о личном опыте («было со мной») сообщили 34,2% участников; среди юношей — 25,9%, среди девушек — 42,7%.

Места совершения насилия

Ниже перечислены места, где юноши и девушки чаще всего сообщали о случаях буллинга; варианты отсортированы по убыванию доли упоминаний (множественный выбор). Заметно, что буллинг преимущественно связан с пространством учебного заведения у обеих групп, но у юношей заметно чаще упоминаются уличные пространства и «внешняя» среда.

Юноши (от более частого к менее частому):	Девушки (от более частого к менее частому):
В учебном заведении — 86,3%	В учебном заведении — 92,0%
На улице, в парке, на парковке — 29,8%	У вас дома — 12,4%
У вас дома — 15,4%	На улице, в парке, на парковке — 12,1%
На работе — 6,3%	На работе — 4,9%

В общежитии — 6,0%
В подъезде/на лестнице/в лифте — 5,8%
В общественном транспорте — 5,3%
В баре/клубе — 1,9%
(затруднились ответить — 2,2%)

В общественном транспорте — 2,9%
В общежитии — 2,7%
В подъезде/на лестнице/в лифте — 1,8%
В баре/клубе — 0,8%
(затруднились ответить — 0,8%)

Можно отметить, что для участников границы «школьной среды» часто шире здания школы: отношения со сверстниками продолжаются после уроков, перемещаются на улицу, в транспорт, во двор, в общежитие и в онлайн. Поэтому один и тот же процесс травли может происходить в нескольких местах.

Возраст в момент насилия

До 18 лет буллинг почти полностью привязан к учебному заведению, а после 18 лет распределяется между работой, улицей/публичной средой и остаточным вкладом учебной среды.

- 0–11 лет: учебное заведение — 95,3%; улица/парк — 19,1%; дома — 16,5%; подъезд — 5,3%; транспорт — 3,9%; общежитие — 2,4%.
- 12–17 лет: учебное заведение — 92,1%; улица/парк — 17,7%; дома — 10,2%; далее: общежитие — 5,4%; транспорт — 3,1%; работа — 2,9%; подъезд — 1,5%; бар/клуб — 0,8%.
- 18+ лет: улица/парк — 37,8%; учебное заведение — 26,7%; работа — 13,3%; общежитие — 11,1%; транспорт — 11,1%; дома — 15,6%; далее: подъезд — 4,4%; бар/клуб — 4,4%.

После 18 лет буллинг не исчезает, а меняет контекст: часть молодых взрослых сталкивается с аналогичными практиками унижения и исключения в рабочей среде (травля на рабочем месте).

Личность агрессора

Основной агрессор в случае буллинга — ожидаемо, сверстники; при этом примерно каждый пятый упоминает участие педагогов/тренеров, а у юношей заметно выше доля «незнакомых».

Юноши (ранжирование):
Сверстник (одноклассник/одногоруппник) — 81,5%
Друг или знакомый — 23,3%
Преподаватель/учитель/тренер — 21,6%
Незнакомый человек — 22,1%
Член семьи — 9,1%

Девушки (ранжирование):
Сверстник (одноклассник/одногоруппник) — 89,5%
Преподаватель/учитель/тренер — 22,6%
Друг или знакомый — 19,3%
Член семьи — 10,8%
Незнакомый человек — 8,4%

До 18 лет буллинг в основном происходит между детьми (сверстники), а после 18 лет возрастает роль незнакомых и партнёров.

- 0–11 лет: сверстник — 93,5%; преподаватель/тренер — 27,9%; друг/знакомый — 24,1%; член семьи — 14,1%; незнакомый — 16,3%.
- 12–17 лет: сверстник — 86,3%; преподаватель/тренер — 17,5%; друг/знакомый — 19,1%; незнакомый — 9,6%; член семьи — 6,4%.
- 18+ лет: сверстник — 35,6%; незнакомый — 35,6%; преподаватель/тренер — 20,0%; партнёр/супруг — 15,6%; друг/знакомый — 15,6%; коллега/начальник — 6,7%; член семьи — 4,4%.

Обращает на себя внимание высокая доля «незнакомцев», особенно в эпизодах, относящихся к возрасту 18+. В сочетании с тем, что в этом возрасте значительная часть таких ситуаций происходит на улице/в парке и в общественном транспорте, можно предположить, что часть ответов отражает не «классический» буллинг в устойчивой группе, а эпизоды агрессии со стороны случайных людей в публичной сфере. Поскольку в анкете буллинг был описан через конкретные действия (оскорбления, высмеивание, принуждение к нежелательным действиям,

игнорирование), некоторые участники могли отнести к этой категории случаи публичного унижения в уличной или транспортной среде. Таким образом, появление «незнакомцев» среди агрессоров указывает на то, что часть травли происходит не только в рамках школьных отношений, но и в более широких молодежных и публичных контекстах, где человек может стать объектом унижения со стороны людей, с которыми он лично не знаком.

Если рассматривать пол агрессора, видно, что буллинг часто исходит со стороны смешанной группы. В целом более половины пострадавших (52,3%) указывают, что в травле участвовали люди обоих полов; среди девушек эта доля еще выше — 59,6%.

Возрастная картина подтверждает эту логику. В детстве наиболее типичен вариант «оба пола» (59,7%), что хорошо соответствует школьной и детской среде, где группы обычно смешанные, а травля может поддерживаться несколькими участниками. В подростковом возрасте доля «оба пола» остается высокой (48,8%), при некотором росте доли мужского пола среди агрессоров (37,3%) и увеличении доли женщин-агрессоров (13,8%). После 18 лет структура меняется: доля «оба пола» резко снижается до 19,6%, а доля женщин-агрессоров возрастает до 41,3% (почти на уровне мужчин — 39,1%).

Вероятно, это объясняется тем, что по мере взросления травля реже разворачивается в «смешанных» школьных группах и чаще происходит в более однородных по полу сообществах и контекстах (на работе, в общежитии, в компаниях), где агрессия может исходить преимущественно от одного пола.

Частота насилия

Буллинг по своей природе обычно разворачивается как процесс, а не как единичный инцидент: травля держится на повторении — регулярных унижениях, исключении, давлении и демонстрации власти в группе. Это подтверждается распределением частоты: у большинства респондентов опыт буллинга был многократным (10+ раз в 48% случаев), особенно у девушек (10+ раз в 52,7% случаев).

Возрастной профиль показывает, как меняется «динамика» буллинга. В детстве (0–11 лет) буллинг чаще всего имеет хронический характер: «10+» отмечают 56,8%, тогда как разовые случаи почти не встречаются (1,6%). В подростковом возрасте (12–17 лет) многократный буллинг остаётся распространённым (10+ — 44,2%), но доля разовых эпизодов немного увеличивается (1 раз — 3,1%). После 18 лет картина заметно меняется: доля «10+» снижается до 25,0%, а доля разовых эпизодов резко возрастает до 22,7%.

Вероятно, до 18 лет буллинг часто связан с устойчивой группой (класс, учебная группа), где у пострадавшего (-шей) меньше возможностей разорвать контакт, сменить среду или выйти из отношений с агрессорами, поэтому травля легче становится длительной. После 18 лет часть ситуаций, которые респонденты относят к буллингу, происходит в открытых контекстах (улица, транспорт), где контакт может быть кратким; кроме того, у молодых взрослых больше возможностей защитить себя.

Связь опыта в детстве, подростковом возрасте и 18+

Буллинг в подростковом возрасте часто имеет предысторию. Среди тех, кто сообщил о буллинге в 12–17, у 45,4% буллинг уже был и в 0–11. Кроме того, у этой группы в детстве нередко встречаются психологическое насилие (40,1%) и физическое (32,8%). Сексуализированное насилие (11,2%) и кибербуллинг (8,6%) в детстве встречаются заметно реже.

Буллинг в 18+ очень часто является продолжением подросткового опыта: среди тех, кто сообщил о буллинге в 18+, у 76,4% он был и в 12–17. У этой же группы в подростковом возрасте часто

отмечались психологическое насилие (59,0%) и физическое (41,2%), а также сексуализированное насилие (27,2%) и кибербуллинг (29,0%)

Последствия

Буллинг в первую очередь отражается на психологическом благополучии. Это видно и по доле «тяжелых» последствий (оценки 4–5), и по средним оценкам. Тяжелые психологические последствия отмечают 18,2% респондентов в целом, причем у девушек эта доля вдвое выше, чем у юношей: 22,7% против 11,1%. На этом фоне тяжёлые физические и экономические последствия встречаются редко (физические: 1,0% в целом; экономические: 1,7%).

Та же картина проявляется в средних оценках: психологические последствия имеют наиболее высокий средний уровень — 3,4 ($\pm 1,18$) у девушек и 2,9 ($\pm 1,23$) у юношей, тогда как физические последствия оцениваются низко (1,4–1,6), а экономические — ещё ниже и практически одинаково у обеих групп (1,4).

Возрастной профиль дополняет интерпретацию. Наиболее высокие средние оценки психологических последствий связаны с опытом в детстве (0–11 лет: 3,4), затем немного снижаются в 12–17 (3,1) и сохраняются на сопоставимом уровне в 18+ (3,1). При этом после 18 лет слегка повышаются средние оценки физических и экономических последствий (физические: 1,8; экономические: 1,6).

Обращение за помощью

Большинство пострадавших, как и в случае с другими видами насилия, обращаются за поддержкой к близким: 74,3% в целом (70,0% среди юношей и 77,2% среди девушек). К профессионалам обращается примерно каждый четвертый: 28,3% в целом (28,8% среди юношей и 27,8% среди девушек).

При этом 19,3% пострадавших ни к кому не обращались и никому не рассказывали (22,4% среди юношей и 17,3% среди девушек).

Возрастные различия для обращения к близким и профессионалам в целом невелики, но заметно, что для эпизодов, относящихся к 18+, обращение к близким фиксируется реже (62,2%), чем для 0–11 (78,4%) и 12–17 (74,2%).

К кому обращались из близкого окружения

Среди близких чаще всего рассказывали родителям (53,4%) и другу/подруге (43,8%), далее — другим родственникам (22,3%) и партнеру/партнерше (15,3%).

Возрастная динамика здесь ожидаема: по мере взросления снижается обращение к родителям (от 57,8% в 0–11 до 31,1% в 18+), а доля обращений к другу/подруге остается высокой.

Различия по полу отражают типичные стратегии поддержки: девушки чаще обращаются к другу/подруге (48,6% против 36,2% у юношей) и нынешнему партнеру (20,2% против 7,4%), тогда как обращение к родителям близко у обеих групп (54,6% у девушек и 51,6% у юношей).

К каким профессионалам обращались

Среди профессиональных каналов на первом месте психолог/психотерапевт (17,9%). На втором — сотрудники/руководитель организации, где происходил буллинг (9,2%) (школа, колледж, организация). Обращения в полицию/следственные органы встречаются реже (2,7%), как и медицинская помощь (2,0%), кризисные центры (1,2%) и юристы (1,3%).

Гендерные различия по профессиональным каналам выражены: девушки заметно чаще обращаются к психологу/психотерапевту (22,2% против 11,0% у юношей). Юноши, напротив, чаще

сообщают сотрудникам/руководству организации (12,3% против 7,1%) и чаще обращаются в полицию (4,1% против 1,7%).

Краткие выводы

Буллинг — прежде всего проблема образовательной среды: до 18 лет учебное заведение — ключевой контекст (более 90% упоминаний).

После 18 лет буллинг «выходит» за пределы учебной среды: растет вклад улицы/публичной среды и рабочего места.

Буллинг часто начинается рано и имеет выраженную преемственность в подростковый и затем в 18+ период.

Основной агрессор — сверстник, но вклад взрослых (учителя/тренеры) заметен: около 1/5 случаев буллинга в отношении подростков включают их как участников травли.

Буллинг часто длится систематически: почти половина респондентов с опытом травли сообщают «больше 10 раз», а в детстве (до 11 лет) доля таких ответов превышает 50%.

Главный вред — психологический: тяжелые психологические последствия отмечают 22,7% девушек и 11,1% юношей.

Наиболее распространенный маршрут помощи после буллинга — обращение к близким (74,3%), тогда как профессиональные каналы подключаются примерно в каждом четвертом случае (28,3%), как правило, это администрация образовательной организации, где произошло насилие; почти каждый пятый пострадавший никому не рассказывает о том, что подвергся(-лась) буллингу (19,3%).

3.5. Кибербуллинг

В анкете кибербуллинг описывался как травля и агрессия в цифровой среде: оскорбления и унижение онлайн, взломы аккаунтов, создание фейковых страниц, распространение в сети личных данных и сплетен без согласия, высмеивание. По данным исследования, о кибербуллинге как о личном опыте («было со мной») сообщили 16,5% респондентов; среди юношей — 15,8%, среди девушек — 17,2%.

Места совершения насилия

В блоке обстоятельств мы не просили выбирать «физические места» (дом/улица/транспорт и т.п.), потому что для кибербуллинга ключевым является именно онлайн-контакт и цифровые действия агрессора (унижение, взлом, публикации), а не география события.

Возраст в момент насилия

Большая часть опыта кибербуллинга относится к подростковому возрасту 12–17 лет (71,9% среди сообщивших опыт). При этом опыт 18+ также заметен (35,0% в целом), причем у юношей он встречается чаще (44,3%), чем у девушек (26,5%).

Личность агрессора

При кибербуллинге чаще всего фигурируют незнакомые люди и сверстники; при этом заметна роль и «знакомых круга» (друзья/знакомые, партнеры), а у юношей выше доля упоминаний педагогов/тренеров как агрессоров.

Юноши (ранжирование):

Незнакомый человек — 60,7%
Сверстник — 34,8%
Друг или знакомый — 29,2%
Преподаватель/учитель/тренер — 8,6%
Партнёр/супруг — 8,2%
Далее: член семьи — 4,5%; отчим/мачеха — 3,7%; коллега/начальник — 3,7%; сосед — 1,2%.

Девушки (ранжирование):

Незнакомый человек — 56,7%
Сверстник — 41,8%
Друг или знакомый — 25,1%
Партнёр/супруг — 6,4%
Далее: преподаватель/учитель/тренер — 2,3%; коллега/начальник — 1,9%; член семьи — 1,1%; отчим/мачеха — 0,8%; сосед — 0,8%.

В детстве и подростковом возрасте чаще упоминаются сверстники (50,5% в 0–11 и 41,4% в 12–17), а в 18+ доля сверстников снижается (16,5%), при сохранении высокой доли «незнакомцев» (около 57%).

Если говорить о поле агрессора, то и у юношей, и у девушек заметна высокая доля ситуаций, где кибербуллинг исходил от людей обоих полов — 35,4% в целом (что отражает групповую динамику травли). Кроме того, достаточно велика доля случаев, где агрессором были мужчины (43,2%), тогда как агрессоры-женщины упоминаются значительно реже (9,7%).

Профиль по полу агрессора меняется с возрастом пострадавшего(-ей). В 0–11 лет чаще всего отмечается вариант «оба пола» (52,9%), что соответствует детской среде и групповой природе травли. В 12–17 и 18+ увеличивается доля мужчин-агрессоров (примерно до половины случаев), что может отражать изменение состава онлайн-коммуникаций и контекстов взаимодействия в подростковом и молодом взрослом возрасте.

Частота насилия

Кибербуллинг в более, чем половине случаев выглядит как повторяющаяся серия эпизодов. В целом почти четверть пострадавших описывают опыт как «10 и более раз» (23,6%), ещё 20,4% — как 4–10 эпизодов.

При этом есть различия по полу. У юношей чаще встречается вариант «10+» (28,5%), то есть кибератаки чаще описываются как очень многократные. У девушек заметно выше доля ответа «другое» (22,1%). Обычно такой вариант выбирают, когда человеку трудно «посчитать» количество эпизодов: например, атаки длились долго, были неравномерными по интенсивности.

Возрастной профиль подтверждает, что проблема систематического кибербуллинга особенно актуальна в детском и подростковом возрасте. В группе 0–11 лет чаще отмечаются многократные случаи («10+» — 33,7%), что может отражать слабые возможности ребенка самостоятельно остановить атаки. В 18+ заметно растёт доля разовых эпизодов («1 раз» — 32,9%), что может быть связано с более короткими контактами в онлайн-среде и большими возможностями быстро прекратить взаимодействие (блокировка, смена аккаунта).

Связь опыта в детстве, подростковом возрасте и 18+

Кибербуллинг в подростковом возрасте (12–17) иногда имеет раннюю предысторию, но чаще встроен в общий фон других рисков. Среди тех, кто сообщил о кибербуллинге в 12–17, у 20,0% кибербуллинг был и в 0–11. При этом у этой группы в детстве часто отмечаются физическое насилие (34,7%), психологическое (38,3%) и буллинг (36,2%), то есть кибербуллинг нередко возникает на фоне уже существующей небезопасности.

Для кибербуллинга в 18+ преемственность с подростковом периодом выражена: среди тех, кто сообщил о кибербуллинге в 18+, у 55,7% он был и в 12–17. При этом у большинства этой группы в

подростковом периоде также были буллинг (60,1%) и психологическое насилие (55,7%), реже - физическое (34,2%) и сексуализированное (25,4%).

Последствия

По самооценкам респондентов, основной вред кибербуллинга связан с психологическим состоянием. Около 13% участников, столкнувшихся с кибербуллингом, отмечают, что психологические последствия были «тяжелыми» или «очень тяжёлыми» (4–5 баллов). В среднем девушки оценивают психологические последствия выше, чем юноши (2,9 против 2,4). Экономические последствия в целом встречаются реже, но имеют важную особенность: у юношей они выражены сильнее. Средняя оценка экономических последствий у юношей выше (1,8 против 1,4 у девушек), и именно у юношей заметно чаще встречаются «тяжелые» экономические последствия (9,4%). Это может указывать на то, что часть кибербуллинга в мужской подгруппе включает элементы финансового вреда или затрат (например, вымогательство, мошенничество, траты на восстановление доступа к аккаунтам, услуги и техническую поддержку), тогда как у девушек кибербуллинг чаще воспринимается прежде всего как психологически травмирующий опыт.

Обращение за помощью

После кибербуллинга чаще всего обращаются к близким: 66,1% в целом. К профессионалам обращается 17,0%. При этом 27,6% сообщают, что ни к кому не обращались. Различия по полу здесь невелики: среди юношей к близким обращались 65,0%, к профессионалам — 16,0%, «ни к кому» — 28,3%; среди девушек — 67,6%, 17,8% и 27,0% соответственно.

Возрастные различия для обращений к близким и отказа от обращения в целом умеренные, но выделяется группа 18+: здесь заметно выше обращение к близким (82,3%) и ниже доля «ни к кому» (16,5%) по сравнению с 0–11 (70,6% и 27,7%) и 12–17 (63,7% и 29,1%).

У юношей максимальная доля «ни к кому» приходится на 12–17 (31,9%), а у девушек наиболее высокая доля «ни к кому» — в возрасте до 11 лет (33,3%).

К кому обращались из близкого окружения

Основной адресат — друзья: другу/подруге рассказывали 47,8% пострадавших. Далее идут родители (27,9%), партнёр/партнёрша (19,4%) и другие родственники (14,8%).

Гендерный профиль немного различается: девушки чаще обращаются к другу/подруге (50,6% против 44,9% у юношей) и к психологу (см. ниже), тогда как у юношей чуть выше доля обращений к другим родственникам (16,9% против 12,9%).

По возрастным когортам заметен рост доли обращений за поддержкой к партнеру/партнерше в 18+ (35,4% против 14,8% в 12–17).

К каким профессионалам обращались

Профессиональные обращения в целом редки и рассеяны по разным каналам. Самый частый адресат — психолог/психотерапевт (9,5%). Далее: полиция/следственные органы (4,1%), адвокат/юрист (3,0%) и сотрудники/руководитель организации, где это произошло (3,4%). Медицинская помощь (1,4%) и кризисные центры (1,0%) упоминаются редко.

Здесь есть различия по полу: девушки заметно чаще обращаются к психологу (13,0% против 5,8% у юношей), а юноши чаще указывают полицию (5,3% против 2,7%) и юриста (4,9% против 1,1%). В случае кибербуллинга в возрасте 18+ чаще фиксируются обращения в полицию (10,1% против 2,9–3,1% в 0–11 и 12–17). Это может отражать и изменение характера кибербуллинга (например, элементы угроз/вымогательства), и большую готовность к формальному обращению во взрослом возрасте.

Краткие выводы

Кибербуллинг — это систематический вид насилия: почти четверть пострадавших описывают опыт как «10+» эпизодов, а еще часть выбирает «другое», что часто указывает на длительность и сложность ситуации.

Агрессор часто не один и не обязательно знакомый: на первом месте — «незнакомый человек», но одновременно высока доля сверстников и друзей/знакомых.

Наиболее уязвимый период — 12–17 лет, но значимая доля опыта относится и к 18+.

Кибербуллинг редко бывает изолированным; у тех, кто сталкивается с ним в 18+, часто уже были буллинг и психологическое насилие в подростковом возрасте.

Последствия чаще всего психологические. У юношей экономический вред (например, потери денег из-за мошенничества/вымогательства, затраты на восстановление доступа) более выражен.

Для кибербуллинга по сравнению с другими видами насилия наиболее высока доля тех, кто не обратился за помощью ни к кому. Это может быть связано с опасением усиления травли после раскрытия ситуации, стыдом и недоверием к эффективности механизмов защиты.

3.6. Домашнее насилие

В этом разделе домашнее насилие рассматривается как аналитически выделенная категория. Респондентам не задавался отдельный вопрос о домашнем насилии в целом. Этот показатель был сформирован на этапе анализа на основе ответов о психологическом, физическом и сексуализированном насилии, если агрессором был указан член семьи либо отчим или мачеха.

Мы сознательно не включали в этот показатель партнерское насилие, поскольку речь идет о разных контекстах. Партнерское насилие обычно связано с романтическими отношениями и чаще становится актуальным в более старшем подростковом возрасте и у молодежи. Домашнее насилие со стороны членов родительской семьи либо отчима или мачехи, напротив, может начинаться в раннем детстве и продолжаться в подростковый период и в ранней взрослости. Оно связано с зависимостью ребенка от взрослых членов семьи. Объединение этих категорий в один показатель затруднило бы интерпретацию данных и усложнило бы практические выводы, поскольку меры профилактики и помощи в этих случаях различаются.

Если респондент указывал члена семьи либо отчима или мачеху в качестве агрессора в вопросах о соответствующем виде насилия, такой случай относился к категории домашнего насилия.

Дополнительно были построены два суммарных показателя: наличие хотя бы одного из трех видов домашнего насилия и число видов домашнего насилия, с которыми столкнулся один участник, от 0 до 3.

Распространенность и различия по полу

Домашнее насилие затрагивает заметную долю молодежи: наличие хотя бы одного из трех видов домашнего насилия отмечают 24,0% респондентов. При этом у девушек показатели существенно выше: 35,2% против 13,0% у юношей. Наиболее распространено домашнее психологическое насилие (19,0% в целом; 28,5% у девушек и 9,8% у юношей), затем домашнее физическое (14,7% в целом; 22,0% у девушек и 7,5% у юношей). Домашнее сексуализированное насилие встречается реже, но гендерный разрыв особенно выражен (4,2% в целом; 7,5% у девушек и 0,9% у юношей).

Таблица 8. Распространенность домашнего насилия, % (в целом по выборке)

Показатель	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
Домашнее психологическое насилие	9,8	28,5	19,0
Домашнее физическое насилие	7,5	22,0	14,7
Домашнее сексуализированное насилие	0,9	7,5	4,2
Любой вид домашнего насилия	13,0	35,2	24,0

Примечание: сумма процентов по разным видам домашнего насилия не приводит к проценту распространенности любого вида, так как виды у одного человека могут пересекаться.

Возраст, когда чаще происходило домашнее насилие

Среди тех, кто пережил хотя бы один вид домашнего насилия, большинство указывает, что это происходило в детстве и подростковом возрасте: 0–11 лет отмечают 76,1% (среди переживших домашнее насилие), 12–17 лет — 88,0%. К после наступления совершеннолетия доля переживших домашнее насилие снижается (58,7%), однако полностью не заканчивается с детством. Во всех возрастных периодах доли у девушек выше, чем у юношей (табл. 9).

Таблица 9. Распространенность домашнего насилия по возрастным периодам, % от числа переживших домашнее насилие

Возрастной период	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
0–11 лет	69,4	78,7	76,1
12–17 лет	82,4	90,1	88,0
18 лет и старше	49,8	62,1	58,7

Примечание. В таблице представлена доля респондентов, переживших хотя бы один вид домашнего насилия в соответствующем возрастном периоде.

Формы домашнего насилия в разные возрастные периоды

Во всех возрастах основу домашнего насилия составляют психологическое и физическое насилие. В 0–11 лет среди переживших домашнее насилие в этом возрасте чаще всего отмечают психологическое (82,0%) и физическое (68,0%); сексуализированное в целом отмечается заметно реже, но у девушек доля выше (22,3% у девушек против 3,9% у юношей).

В 12–17 лет картина похожа, и в 18+ картина остается сходной: лидируют психологическое и физическое; сексуализированное насилие присутствует примерно в каждом пятом случае домашнего насилия (табл. 10).

Таблица 10. Виды домашнего насилия по возрастным периодам, % от числа переживших домашнее насилие в этот возрастной период

Возрастной период	Вид насилия	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
0–11 лет	Психологическое	85,1	81,0	82,0
	Физическое	62,1	69,9	68,0
	Сексуализированное	3,9	22,3	17,7
12–17 лет	Психологическое	79,2	82,4	81,6
	Физическое	57,9	63,3	61,9
	Сексуализированное	6,6	21,4	17,6
18 лет и старше	Психологическое	74,5	89,0	85,7
	Физическое	47,3	63,5	59,7
	Сексуализированное	13,5	19,8	18,3

Пересечения видов домашнего насилия

Среди участников, столкнувшихся с домашним насилием, чаще всего встречается опыт одного или двух его видов. Один вид указали 11,9% респондентов, два вида — 10,4%, три вида — 1,7%. У девушек сочетание нескольких видов домашнего насилия выражено значительно сильнее: два вида отметили 15,8% девушек против 5,2% юношей, а три вида — 3,5% девушек, тогда как среди юношей таких случаев не выявлено (табл. 11).

Таблица 11. Распределение респондентов по числу видов домашнего насилия, % от всей выборки

Число видов домашнего насилия	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
0 (нет опыта)	87,0	64,8	76,0
1	7,9	15,9	11,9
2	5,2	15,8	10,4
3	0,0	3,5	1,7

Среди тех, кто сообщил об опыте домашнего насилия, наиболее типичны сочетания «психологическое + физическое» (38,6%) и «только психологическое» (30,2%) (табл. 12). Полное сочетание трех видов («психологическое + физическое + сексуализированное») встречается реже (7,2%), но почти полностью формируется за счёт девушек (9,9% у девушек; 0% у юношей).

Таблица 12. Наиболее распространенные сочетания видов домашнего насилия, % (среди респондентов, сообщивших хотя бы об одном виде домашнего насилия)

Сочетание видов домашнего насилия	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
Только физическое	18,0	12,6	14,1
Только психологическое	35,6	28,1	30,2
Только сексуализированное	6,8	4,6	5,2
Психологическое + физическое	39,6	38,2	38,6
Психологическое + сексуализированное	0,0	4,8	3,5
Физическое + сексуализированное	0,0	1,9	1,4
Психологическое + физическое + сексуализированное	0,0	9,9	7,2

Систематичность домашнего насилия

Отдельно оценивалась систематичность домашнего насилия. Она была рассчитана как наличие хотя бы одного вида домашнего насилия, который респондент отметил, как происходивший 10 и более раз (табл.13). Такой опыт есть у 9,3% от всей выборки (14,3% у девушек и 4,5% у юношей). Среди тех, кто пережил домашнее насилие, систематический характер отмечают 38,9% (40,6% у девушек и 34,2% у юношей).

Таблица 13. Систематический характер домашнего насилия, %

Показатель	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
Хотя бы один вид домашнего насилия 10+ раз, от всей выборки	4,5	14,3	9,3
Хотя бы один вид домашнего насилия 10+ раз, среди переживших домашнее насилие	34,2	40,6	38,9

Чаще всего систематическим оказывается домашнее психологическое насилие (10+ раз у 63,3% среди переживших именно домашнее психологическое насилие), затем домашнее физическое (44,8%). Домашнее сексуализированное насилие реже бывает систематическим, но у девушек оно систематическое чаще чем у юношей (22,6% у девушек против 14,3% у юношей).

Систематичность формируется уже в детстве и подростковом возрасте (табл.14): 46,5% указывают систематический характер (10+) в 0–11 лет, 41,4% — в 12–17, 43,2% — в 18+.

Таблица 14. Доля респондентов, у которых хотя бы один вид домашнего насилия носил систематический характер (10+ раз), по возрастным периодам, %

Возрастной период	Юноши, %	Девушки, %	Всего, %
0–11 лет	44,2	47,3	46,5
12–17 лет	38,8	42,2	41,4
18 лет и старше	33,6	46,0	43,2

Краткие выводы

Об опыте домашнего насилия сообщил каждый четвертый участник или участница исследования, а о систематическом домашнем насилии — каждый десятый. Домашнее насилие заметно чаще встречается у девушек, чем у юношей.

Наиболее распространенной основой домашнего насилия является психологическое насилие. Именно оно чаще других оказывается систематическим. Для значительной части пострадавших домашнее насилие включает сразу несколько видов, особенно сочетание психологического и физического насилия. Это показывает, что домашнее насилие нередко представляет собой не единичный эпизод, а длительную и комплексную ситуацию в жизни ребенка.

Высокая доля такого опыта в возрастных периодах 0–11 и 12–17 лет говорит о прямой значимости этой проблемы для системы защиты детей и образовательных организаций. Это подчеркивает важность раннего выявления, безопасных каналов обращения за помощью, а также работы со свидетелями и доверенными взрослыми.

При этом заметная часть случаев относится и к возрасту 18+, то есть у части участников домашнее насилие со стороны членов семьи или отчимов или мачех продолжается и после наступления совершеннолетия.

Глава 4. Свидетели насилия⁴

В этом исследовании «свидетельство» означает, что респондент лично наблюдал ситуацию (или её часть) и определил ее как насилие. Ниже для разных видов насилия приведена доля юношей и девушек, которые сообщили, что были свидетелями каждого вида насилия, и рассмотрены опыт свидетелей (кто был пострадавшим, где происходило, что делали свидетели, насколько уверенно себя чувствовали).

Респондентов, которые сообщали, что были свидетелями «последнего запомнившегося случая» соответствующего вида насилия, просили оценить, насколько уверенно они чувствовали себя в момент ситуации, по шкале от 1 до 5 (где 1 — «совсем не уверен(а)», 5 — «полностью уверен(а)»). Уверенность — это простой индикатор готовности к действию: даже при желании помочь человек может не вмешаться из-за растерянности, страха или отсутствия понимания, что делать безопасно. Также этот показатель помогает отличать «знаю, что правильно» от «смогу сделать в реальности» и тем самым оценить потребность в обучении жизненным навыкам свидетеля (как поддержать, как позвать на помощь, как сообщить взрослым/службам, как не ухудшить ситуацию).

⁴ Расчеты по этому разделу представлены в приложении Г

4.1. Опыт свидетелей: физическое насилие

Кого видели пострадавшим

Юноши чаще вспоминают ситуацию с одноклассником/однокурсником (45,5%) и с незнакомым взрослым (31,8%); девушки — с взрослым членом семьи/родственником (32,2%) и с другом/подругой (30,9%), также часто с одноклассником/однокурсником (34,7%).

Где это происходило

Физическое насилие чаще происходит в наблюдаемых контекстах (учебная среда, улица, общественные места), поэтому у него относительно высокая доля свидетелей у обеих групп. У юношей лидируют учебное заведение (45,5%) и улица/парк (45,5%); у девушек чаще всего упоминается дом пострадавшего (41,5%), затем улица/парк (35,2%) и учебное заведение (31,8%).

Что делали свидетели

Чаще всего — поддерживали пострадавшего (31,0% в целом) и/или пытались вмешаться (26,0%). Почти каждый третий не вмешивался из-за опасности (28,7%). Очень распространён ответ «был(а) ребенком и не знал(а), как действовать» (53,9% в целом; у девушек 55,5%).

Уверенность в своих действиях

Средняя уверенность у девушек ниже (2,1), чем у юношей (3,4).

4.2. Опыт свидетелей: психологическое насилие

Кого видели пострадавшим

Чаще всего это друг/подруга (37,5%) или однокурсник/одноклассник (41,0%). У девушек заметнее семейный контекст (взрослый родственник 28,8%; ребёнок-родственник 16,8%). У юношей выше доля «незнакомый взрослый» (31,6%).

Где это происходило

Часть психологического насилия действительно «видима» со стороны (публичные унижения, угрозы, давление при других), однако в целом оно чаще происходит в частных контекстах (дом, отношения, личное общение), поэтому доля свидетелей ниже, чем у физического насилия или буллинга. У девушек чаще всего — дома у пострадавшего (41,6%) и в учебном заведении (38,4%). У юношей сравнительно чаще упоминаются интернет/мессенджеры (36,8%) и бар/клуб (21,1%), при этом учебное заведение и улица/парк также высоки (по 31,6%). Более высокая доля у юношей может быть связана с тем, что они чаще оказываются присутствующими в групповых ситуациях, где психологическая агрессия проявляется открыто.

Что делали свидетели

Наиболее частое действие — поддержка пострадавшего (40,3% в целом; у девушек 43,2%). Попытки вмешаться — 27,8% в целом (у юношей 42,1%). Почти половина отмечают, что были детьми и не знали, как действовать (49,3%).

Уверенность в своих действиях

В среднем выше у юношей (3,5), ниже у девушек (2,4).

4.3. Опыт свидетелей: сексуализированное насилие

Из-за очень малого N у юношей любые сравнения по полу здесь являются ориентировочными. Сексуализированное насилие чаще происходит в закрытых или частных контекстах (дом, близкие отношения, личная переписка), поэтому оно значительно реже «наблюдаемо» для свидетелей. Низкие значения здесь ожидаемы и не означают низкой распространенности самого явления.

Кого видели пострадавшим

В целом чаще всего это друг/подруга (44,6%), затем одноклассник/однокурсник (32,1%) и взрослый родственник (32,1%).

Где это происходило

В целом лидирует дом пострадавшего (46,4%), далее интернет/мессенджеры (30,4%) и учебное заведение (28,6%); также заметны улица/парк (25,0%) и общественный транспорт (14,3%).

Что делали свидетели

Самый частый ответ — поддержал(а) пострадавшего (50,0%). Почти половина девушек-свидетелей указывают, что были ребёнком и не знали, как действовать (49,1%). Помощь в обращении за помощью отмечают 19,6% (в основном за счёт девушек).

Уверенность в своих действиях

В целом средняя уверенность 2,5; у девушек 2,4 (у юношей 4,3, но N=3).

4.4. Опыт свидетелей: буллинг

Буллинг обычно разворачивается в групповой среде (класс, учебная группа, компания), где присутствуют наблюдатели; поэтому доля свидетелей высокая. Более высокая доля у юношей может отражать большую вовлечённость в наблюдение конфликтов/травли в группах сверстников (в том числе за пределами школы).

Кого видели пострадавшим

Чаще всего это одноклассник/однокурсник (48,1%) или друг/подруга (40,2%). У юношей чаще упоминается друг/подруга (50,0%), у девушек — одноклассник/однокурсник (49,1%).

Где это происходило

Лидирует учебное заведение (40,2%), затем дом пострадавшего (34,1%), улица/парк (30,3%) и интернет/мессенджеры (27,3%). У юношей выше доля улицы/парка (36,7%) и интернета (30,0%), у девушек — дома у пострадавшего (37,6%).

Что делали свидетели

Наиболее типичная реакция — поддержка пострадавшего (40,2%), затем попытка вмешаться (26,9%). Почти половина отмечают, что были ребёнком и не знали, как действовать (45,8%; у девушек 47,9%). Доля «ничего не предпринимал(а)» — 17,4%.

Уверенность в своих действиях

В среднем 2,5; у юношей 3,4, у девушек 2,4.

4.5. Опыт свидетелей: кибербуллинг

Несмотря на онлайн-формат, кибербуллинг нередко становится видимым окружающим (публичные посты, комментарии, пересылки, групповые чаты), поэтому доля свидетелей сопоставима с офлайн-насилием.

Кого видели пострадавшим

Чаще всего это друг/подруга (45,1%) одноклассник/однокурсник (34,3%), член семьи/родственник (25,8%). Девушки, по сравнению с юношами, чаще сообщают что были свидетелят кибуллингга в отношении члена семьи,родственника (26,7% против 16,67% у юношей)

Что делали свидетели

Более половины (54,9%) отмечают, что были ребёнком и не знали, как действовать (чаще об этом сообщают девушки (56,9% против 33,3%). Наиболее типичная реакция — поддержка

пострадавшего (45,1%), затем попытка вмешаться (29,6%). Доля «ничего не предпринимал(а)» — 8,0%.

Уверенность в своих действиях

В среднем 2,3; у юношей 3,2, у девушек 2,3.

4.6. Краткие выводы

В роли пострадавших чаще всего оказываются близкие по возрасту люди из окружения свидетеля (друг/подруга, одноклассник/однокурсник), особенно при буллинге и кибербуллинге.

Самая распространенная реакция свидетеля — поддержка пострадавшего; попытка «остановить происходящее» встречается реже, а помощь в обращении в службы — еще реже.

Критическая зона для практики — высокая доля ответа «был(а) ребенком и не знал(а), как действовать» (примерно половина по всем видам насилия), а также относительно низкая субъективная уверенность, как действовать в этой ситуации.

Во всех видах насилия юноши как свидетели оценивают свою уверенность выше, чем девушки (разрыв примерно на 0,9–1,3 балла). Самые низкие средние оценки у девушек — при свидетельстве физического насилия (2,1) и кибербуллинга (2,3). В целом по выборке (без разделения по полу) уверенность ниже при физическом насилии (2,2) и кибербуллинге (2,3), и выше при психологическом насилии (2,6). Различия по полу могут отражать разный субъективный риск и допустимость вмешательства: физические инциденты и онлайн-травля часто воспринимаются как более опасные/неуправляемые ситуации, а у девушек дополнительно сильнее выражены опасения эскалации и личной уязвимости.

Это прямо указывает на потребность в обучении безопасным действиям свидетеля (что делать, как звать помощь, как поддержать).

Глава 5. Семейная профилактика и представления об эффективных мерах⁵

Семья — один из ключевых контекстов, который может снижать или повышать риски насилия: через стиль воспитания, эмоциональный климат и воспитательные (профилактические) беседы. В этом разделе мы описываем, в каких условиях респонденты росли и насколько опыт различается у юношей и девушек.

5.1. Условия воспитания в родительской семье

Большинство респондентов выросли в родной семье с кровными родителями (82,1%). При этом каждый седьмой–шестой сообщает, что воспитывался в семье, где хотя бы один из родителей не является кровным (15,1%). Другие варианты встречаются редко: семья приёмных родителей/опекунов (0,6%), семья бабушки и дедушки (1,4%), учреждение для детей-сирот (0,2%), часть времени в семье, часть — в учреждении (0,5%).

5.2. Отношения с родителями

Респонденты по-разному описывают эмоциональный климат в семье. В целом 34,1% характеризуют отношения как тёплые и доверительные. Ещё 20,5% называют их нейтральными. Одновременно заметна доля тех, кто говорит о сложностях: «сложные, иногда враждебные» — 12,7%; «с одним родителем тёплые, с другим холодные/враждебные» — 21,4%; «холодные и отстраненные» — 5,0%.

⁵ Расчеты по этому разделу представлены в приложении Д

Здесь выражены гендерные различия: юноши значительно чаще описывают отношения как тёплые и доверительные (60,7%), тогда как у девушек этот показатель заметно ниже (31,7%). При этом девушки чаще сообщают о сложных семейных ситуациях: «сложные, иногда враждебные» — 13,4% (против 4,3% у юношей) и «с одним родителем тёплые, с другим холодные/враждебные» — 22,2% (против 12,9%). Это важно учитывать в профилактике: готовность обсуждать риски и обращаться за помощью напрямую зависит от доверия и безопасной коммуникации в семье.

5.3. Связь качества отношений с родителями и раскрытия опыта насилия

Для анализа связи между качеством отношений с родителями и стратегиями раскрытия опыта насилия были построены таблицы сопряженности. В качестве независимой переменной использовался показатель, отражающий характер отношений с родителями или замещающими взрослыми. В качестве зависимых переменных рассматривались три бинарных показателя для каждого вида насилия: 1) рассказывал(а) ли респондент(ка) кому-либо о случившемся, 2) обращался(ась) ли за профессиональной помощью или защитой, 3) оставался ли опыт полностью нераскрытым, то есть без рассказа кому-либо и без обращения за помощью.

Для проверки статистической значимости различий использовался критерий хи-квадрат Пирсона. Такой подход позволял оценить, связаны ли различия в стратегиях раскрытия и обращения за помощью с характером отношений с родителями. Анализ проводился отдельно для физического насилия, психологического насилия, принуждения к нежелательным сексуальным действиям, буллинга и кибербуллинга.

Результаты показали, что связь между отношениями с родителями и стратегиями раскрытия опыта насилия выражена неодинаково для разных видов насилия. Наиболее отчетливо она проявляется в случае психологического насилия. В этом блоке характер отношений с родителями статистически значимо связан как с вероятностью рассказа о случившемся, так и с обращением за профессиональной помощью и с вероятностью полного нераскрытия опыта. Это позволяет предположить, что семейный контекст играет заметную роль в том, каким образом подростки и молодые взрослые реагируют на пережитое психологическое насилие.

Для физического насилия статистически значимая связь обнаруживается прежде всего в отношении обращения за профессиональной помощью. Это означает, что качество отношений с родителями в большей степени связано не с самим фактом рассказа кому-либо, а с переходом к более формализованному поиску поддержки. Для буллинга связь с рассказом о случившемся также прослеживается, однако она выражена слабее. Для кибербуллинга и принуждения к нежелательным сексуальным действиям устойчивых статистически значимых связей в данном анализе не выявлено либо они носят менее отчетливый характер.

В целом результаты указывают на то, что отношения с родителями связаны со стратегиями раскрытия опыта насилия, однако эта связь различается в зависимости от типа насилия. Тёплые и устойчивые отношения с родителями не гарантируют раскрытия опыта насилия, но в целом связаны с более благоприятными траекториями обращения за помощью. Напротив, проблемные, холодные или амбивалентные отношения чаще сочетаются с менее благополучными стратегиями реагирования, особенно при психологическом насилии. Семейный контекст, по-видимому, особенно важен в тех ситуациях, где насилие может дольше оставаться неочевидным или труднее распознаваемым, как, например, в случае психологического насилия.

При интерпретации этих результатов важно учитывать ограничения анализа. Таблицы сопряженности позволяют выявить статистическую связь между переменными, но не позволяют делать выводы о причинно-следственных отношениях. Поэтому полученные различия не следует

интерпретировать как прямое доказательство того, что именно качество отношений с родителями определяет последующие стратегии раскрытия опыта насилия. Кроме того, сила выявленных связей в целом остается невысокой, что указывает на важность и других факторов, влияющих на решение рассказать о насилии, обратиться за помощью или сохранить опыт в тайне.

5.4. Профилактические беседы в семье: какие темы обсуждают

Респондентам предлагался список тем, а в отчете учитывались ответы «не обсуждали», «обсуждали один–два раза» и «обсуждали регулярно». Далее приведены суммарные проценты по категориям «обсуждали один–два раза» и «обсуждали регулярно». В целом чаще всего в семьях говорят о «повседневной» безопасности: дорожная безопасность (90,1%), опасность алкоголя и наркотиков (84,8%), поведение с незнакомыми людьми и риск похищения (82,3%), также обсуждаются риски опасных знакомств в интернете (73,3%).

Темы, которые напрямую связаны с насилием и обращением за помощью, обсуждаются реже: защита от физического насилия (68,9%), личные границы и право сказать «нет» (59,2%), безопасность в отношениях и распознавание насилия (45,8%). Еще реже обсуждаются действия, то есть куда идти и что делать, если насилие уже происходит: что делать при травле (55,4%), куда обращаться за помощью в случае насилия (54,6%).

Отдельное наблюдение по полу: у юношей чаще упоминаются разговоры о защите от физического насилия (76,4% против 61,2%), личных границах (69,8% против 48,5%), безопасности в отношениях (53,8% против 37,7%), что делать при травле (64,7% против 46,0%), куда обращаться за помощью (61,0% против 48,2%). У девушек выше доля обсуждений сексуальной безопасности, контрацепции, беременности (69,3% против 59,9%). Это показывает, что «семейная профилактика» у юношей чаще строится вокруг тем самоконтроля и внешней опасности, а у девушек чаще включается блок сексуальной безопасности, что вероятно отражает представления родителей о том, что риск сексуального насилия более актуален для девушек.

5.5. Как респонденты оценивают влияние профилактических бесед

Респондентам также предлагалось оценить, как эти разговоры повлияли на них (множественный выбор). Самые частые эффекты — «стал (а) осторожнее и чаще задумываться о последствиях» (65,4%) и «понял(а), что такое личные границы» (33,1%). При этом только 21,5% отмечают, что им стало легче обращаться за помощью.

Одновременно видны риски неудачной коммуникации: 13,9% считают, что разговоры никак не повлияли, 11,7% говорят, что им было неприятно, как это обсуждали, 9,5% — что разговоры напугали и они стали избегать этих тем. Это означает, что качество и стиль обсуждения не менее важны, чем сам факт беседы: профилактика может поддерживать и обучать, а может усиливать тревогу или закрывать возможность коммуникации на эти темы в будущем.

5.6. Какие меры молодёжь считает наиболее важными

Мнения молодежи о мерах профилактики оценивались через перечень возможных мер, каждую из которых респонденты оценивали по шкале важности от 1 до 5: 1 — «совсем не важно», 2 — «скорее не важно», 3 — «нейтрально», 4 — «скорее важно», 5 — «очень важно». Затем для каждой меры рассчитывались средние значения (M) отдельно для юношей и девушек и в целом, а также проверялись различия между группами.

В целом наиболее высоко оцениваются меры, связанные с системной защитой и доступной помощью: улучшение городской среды (4,5), обучение специалистов (4,4), развитие бесплатной психологической и правовой помощи (4,4), вовлечение родителей и учителей (4,4), изменение законов/усиление наказаний (4,1).

Ниже оцениваются меры, требующие высокого контроля или “индивидуального навыка”: курсы самозащиты (4,0), группы взаимопомощи молодёжи (3,9). При этом почти по всем мерам девушки ставят более высокие оценки, чем юноши, а различия статистически значимы. Например, «улучшение городской среды» — 4,7 у девушек против 4,2 у юношей; «обучение специалистов» — 4,7 против 4,2; «развитие бесплатной помощи» — 4,7 против 4,2; «изменение законов» — 4,4 против 3,8.

Мера «контроль интернета и защита от киберугроз со стороны служб и провайдеров» получила более низкую оценку важности (3,6) (по сравнению с другими мерами). Вероятно, молодёжь может воспринимать «контроль интернета» как декларативную или трудно исполняемую меру: интернет-риски разнообразны, агрессоры легко обходят ограничения, а провайдеры и “службы” редко ассоциируются с реальной защитой в конкретной ситуации. В повседневной логике цифровой безопасности молодёжь чаще опирается на индивидуальные инструменты (настройки приватности, блокировки, смена аккаунта) и поддержку друзей/семьи.

5.7. Краткий вывод главы

Семья остаётся главным пространством профилактики: большинство молодых людей сообщают о разговорах про риски с родителями, но темы, которые помогают действовать в ситуации насилия (распознавание насилия в отношениях, обращение за помощью, алгоритмы действий при травле), обсуждаются заметно реже.

Качество отношений с родителями связано со стратегиями раскрытия опыта насилия, однако эта связь выражена не для всех видов насилия и не для всех форм реагирования. Наиболее отчетливо она проявляется в случае психологического насилия, где теплота отношений связана и с вероятностью рассказа о случившемся, и с обращением за помощью, и с риском полного нераскрытия опыта.

Темы бесед с родителями отражают распространенные представления родителей о наибольших угрозах: ДТП, алкоголь и наркотики, опасные незнакомцы и риск похищения, опасности в интернете. Сами беседы чаще повышают осторожность, чем реально облегчают обращение за помощью в опасной ситуации.

В качестве наиболее эффективных мер профилактики насилия молодёжь чаще всего поддерживает системные решения — доступную помощь, обучение специалистов, улучшение городской среды и вовлечение взрослых.

Глава 6. Роль профилактики в раскрытии опыта насилия и обращении за помощью⁶

6.1. Как оценивалась роль профилактики

Для уточнения факторов, связанных с раскрытием опыта насилия и обращением за помощью, были построены бинарные логистические регрессионные модели отдельно для каждого вида насилия. Анализ проводился для пяти тематических блоков: физическое насилие, психологическое насилие, сексуализированное насилие, буллинг и кибербуллинг. Для каждого вида насилия оценивались три зависимые переменные: 1) рассказывал(а) ли респондент(ка) кому-либо о произошедшем, 2) обращался(ась) ли за профессиональной помощью или защитой,

⁶ Расчеты по этому разделу представлены в приложении Е

3) оставался ли опыт полностью нераскрытым, то есть без рассказа кому-либо и без обращения за помощью. Таким образом, всего было построено 15 логистических регрессионных моделей.

В качестве предикторов в модели включались пол, возраст, в котором произошла ситуация, частота или повторяемость насилия, тип агрессора, индексы профилактического опыта, а также последствия пережитого насилия. В число профилактических показателей входили индекс охвата профилактикой и индекс конструктивного отклика на профилактику. Индекс охвата профилактикой рассчитывался как количество тем, обсуждавшихся с респондентом в профилактических беседах, и принимал значения от 0 до 10. Индекс конструктивного отклика на профилактику рассчитывался как сумма трех позитивных реакций на такие беседы: «стал (а) осторожнее», «понял(а), что такое личные границы», «стало легче обращаться за помощью»; диапазон значений составлял от 0 до 3. В число последствий входили физические, психологические и экономические последствия, если соответствующие переменные были доступны для данного вида насилия.

Модели оценивались методом бинарной логистической регрессии Enter. Для оценки качества моделей использовались omnibus test of model coefficients, показатель $-2 \text{ Log Likelihood}$ и псевдо- R^2 Нэйджелкерка. Для интерпретации значимых эффектов использовались коэффициенты $\text{Exp}(B)$, однако в данном разделе основной акцент сделан на сравнении общей объясняющей способности моделей и на выявлении факторов рассказа о насилии, обращении за профессиональной помощью, отказа от раскрытия факта насилия.

6.2. Что показал анализ

Результаты показали, что решение рассказать о насилии или обратиться за профессиональной помощью связано сразу с несколькими факторами. Важную роль играют тяжесть последствий пережитого опыта: чем заметнее насилие повлияло на жизнь человека, тем выше вероятность, что он не будет молчать и попытается искать поддержку.

Особенно важно, что в ряде моделей значимыми оказались показатели, связанные с профилактикой: насколько участник был охвачен профилактическими разговорами в семье и насколько полезными и понятными они для него оказались. Это означает, что профилактика действительно может быть связана с тем, будет ли подросток лучше понимать происходящее, распознавать насилие, видеть возможности помощи. Наиболее заметно эта связь проявилась в случаях психологического насилия и буллинга. Именно здесь охват профилактикой и конструктивный отклик на нее чаще всего были связаны с более благоприятными стратегиями реагирования: большей вероятностью рассказа о случившемся, обращения за помощью и меньшей вероятностью полного молчания. Это особенно важно, потому что психологическое насилие и буллинг часто остаются недооцененными: их легче обесценить, списать на «подростковые трудности» или не распознать как ситуацию, в которой нужна поддержка. Доверительные разговоры, обсуждение границ, уважения, способов защиты и обращения за помощью здесь могут играть действительно заметную роль.

Для физического и сексуализированного насилия вклад профилактики в моделях был выражен слабее, чем вклад последствий пережитого. Однако это не означает, что профилактика здесь не важна. Скорее, это говорит о том, что в таких ситуациях на решение обратиться за профессиональной помощью особенно сильно влияет тяжесть самого опыта и его последствий. Но даже в этих случаях профилактика остается критически значимой как более ранний ресурс: она помогает быстрее распознать недопустимость происходящего, понять, что ответственность лежит на агрессоре, и знать, куда можно обратиться.

Важно и то, что модели лучше объясняли именно обращение за профессиональной помощью, чем просто рассказ кому-то из близких. Это позволяет сделать практический вывод: путь от опыта насилия к обращению за профессиональной помощью не случаен. Он связан с определенными условиями, и профилактика может быть одним из таких условий. Если подросток или молодой взрослый раньше слышал понятные и уважительные разговоры о границах, насилии, помощи и поддержке, у него больше шансов не только кому-то рассказать, но и увидеть обращение за профессиональной помощью как возможный шаг.

6.3. Краткий вывод

Проведенный анализ показывает, что решение рассказать о насилии или обратиться за помощью зависит не только от тяжести пережитого опыта, но и от того, был ли у молодого человека понятный, содержательный и конструктивный профилактический опыт. Особенно заметно это проявляется в случаях психологического насилия и буллинга. Это означает, что профилактика и открытые беседы о безопасности действительно важны: они могут не только повышать осведомленность, но и помогать не оставаться с насилием один на один.

Важно учитывать, что этот вывод носит предварительный характер. Проведенный анализ выявляет статистические связи между профилактическим опытом и стратегиями раскрытия насилия и обращения за помощью, однако не позволяет делать строгие выводы о причинно-следственных отношениях. Для более надежной оценки необходимы специальные исследования, в том числе с использованием экспериментальных и квазиэкспериментальных дизайнов, позволяющих сравнивать группы до и после профилактических воздействий и более обоснованно судить о причинно-следственных связях.

Рекомендации

В этом разделе представлены рекомендации, разработанные на основе результатов исследования. Они основаны на выявленных закономерностях распространенности различных видов насилия, особенностей их возрастной динамики, различий в опыте девушек и юношей, барьеров обращения за помощью, а также роли ближайшего окружения и доступности профессиональной помощи. Рекомендации сгруппированы по двум направлениям: предупреждение насилия и поддержка и защита пострадавших.

Рекомендации адресованы сразу нескольким группам: специалистам, организациям, семьям, разработчикам профилактических программ и тем, кто влияет на общественное понимание проблемы.

I. Рекомендации по предупреждению насилия

Рекомендация 1. Усилить работу с родителями как с ключевой группой профилактики насилия и поддержки ребенка в ситуации угрозы.

Адресат: родители, родительские комитеты, школы, НКО, разработчики профилактических программ.

На каких результатах исследования основано: семья выступает главным источником профилактических разговоров и одним из главных адресатов раскрытия насилия со стороны детей и подростков. Беседы о безопасности, личных границах, неприемлемом поведении, цифровых рисках, буллинге и возможностях получить поддержку могут снижать вероятность того, что подросток останется в ситуации насилия в одиночестве и без профессиональной помощи. При этом не все дети и подростки рассказывают о пережитом насилии родителям, поэтому для родителей особенно важно уметь замечать косвенные признаки неблагополучия, изменений в поведении и возможных рисков.

Рекомендация: следует развивать программы для родителей, направленные на повышение готовности говорить с детьми о насилии, обсуждать риски без усиления тревоги, формировать доверие и объяснять ребенку, что делать в опасной ситуации и как обратиться за помощью. В такие программы важно включать обучение тому, как замечать косвенные признаки неблагополучия у ребенка (например, изменения в поведении, эмоциональном состоянии, круге общения и цифровой активности ребенка) и как действовать в таких ситуациях.

Рекомендация 2. Усилить комплексные школьные программы предотвращения агрессии.

Адресат: школы, школьные психологи, родительские комитеты, молодежные организации, разработчики профилактических программ.

На каких результатах исследования основано: значительная часть насилия (психологическое, физическое, буллинг) происходит или проявляется в школьной среде, а школа выступает одной из ключевых площадок повседневного взаимодействия детей и подростков.

Рекомендация: развивать комплексные программы предотвращения агрессии в школах, включающие профилактику насилия, понятные правила безопасности, процедуры реагирования на сообщения о насилии и регулярное обучение сотрудников.

Рекомендация 3. Включать в программы профилактики для подростков и молодежи развитие навыков и алгоритмы действий при угрозе насилия.

Адресат: разработчики профилактических программ, школы, НКО, государственные организации.

На каких результатах исследования основано: профилактические сообщения для детей часто сосредоточены на угрозах и предупреждениях, но реже содержат понятные стратегии безопасного поведения и обращения за помощью.

Рекомендация: в профилактике нужно делать акцент на навыках: личных границах, согласии, а также конкретные алгоритмы действий: что делать сразу, к кому обратиться, как зафиксировать случившееся, где получить помощь и поддержку.

Рекомендация 4. Включать в профилактические программы модули для сверстников и свидетелей.

Адресат: школы, школьные психологи, родительские комитеты, молодежные организации, разработчики профилактических программ.

На каких результатах исследования основано: дети и подростки часто рассказывают о случившемся друзьям, но сами свидетели насилия, особенно в детском возрасте, не всегда понимают, как действовать безопасно и эффективно.

Рекомендация: в профилактику следует включать отдельные модули о роли свидетеля и друга: как заметить и оценить ситуацию, как выслушать, как не навредить, как поддержать пострадавшего и как безопасно передать ситуацию взрослым или специалистам.

Рекомендация 5. Включить профилактику насилия в базовое образование специалистов, работающих с детьми.

Адресат: разработчики образовательных программ вузов и колледжей по специальностям в области психологии, педагогики, социальной работы, здравоохранения.

Рекомендация: включать основы профилактики насилия, распознавания его признаков, реагирования на раскрытие и маршрутизации за помощью в программы базовой подготовки специалистов, работающих с детьми и подростками.

Рекомендация 6. Снизить стигму и исключить обвинение пострадавших в публичной коммуникации о насилии.

Адресат: СМИ, блогеры, журналисты, разработчики профилактических программ, молодежные службы, информационные проекты.

На каких результатах исследования основано: отказ от обращения за помощью особенно характерен для кибербуллинга и сексуализированного насилия; барьеры обращения усиливаются стигмой, страхом огласки и опасением обвинения; у юношей дополнительным барьером выступает норма, согласно которой мужчина не может быть жертвой.

Рекомендация: публикации и сюжеты СМИ о насилии должны исключать обвиняющие и обесценивающие формулировки, избегать сенсационности, прямо указывать доступные маршруты поддержки, в том числе для мальчиков и юношей.

II. Рекомендации по поддержке и защите пострадавших

Рекомендация 7. Усилить раннее выявление насилия по косвенным признакам.

Адресат: специалисты системы образования, здравоохранения, социальной защиты, психологические службы, НКО

На каких результатах исследования основано: насилие, начавшееся в детстве, может долго оставаться незамеченным, а его психологические последствия нередко оказываются более тяжелыми и длительными.

Рекомендация: подготовка специалистов должна включать распознавание не только физических, но и психологических, поведенческих признаков возможного неблагополучия, а также соответствующее реагирование.

Рекомендация 8. Развивать доступные и вызывающие доверие маршруты обращения за помощью для подростков и молодежи

Адресат: школы, службы психологической помощи, кризисные службы, НКО.

На каких результатах исследования основано: подростки являются одной из наиболее уязвимых групп, при этом в ряде случаев обращение за помощью затруднено из-за неясности маршрутов, страха и недоверия.

Рекомендация: необходимо развивать безопасные, понятные и вызывающие доверие каналы обращения за психологической, правовой и кризисной помощью, особенно для подростков и молодых людей; широко информировать о них подростков и молодых людей.

Рекомендация 9. Проводить комплексную оценку в случае выявления насилия.

Адресат: специалисты системы образования, здравоохранения, социальной защиты, психологические службы, НКО

На каких результатах исследования основано: возрастная динамика показывает, что во многих случаях насилие не является единичным эпизодом и может продолжаться или воспроизводиться при переходе от детства к подростковому возрасту и далее к ранней взрослости.

Рекомендация: при обращении по одной проблеме важно проверять и другие риски — дома, в отношениях, в школе, в цифровой среде, а помощь строить как комплексную.

Рекомендация 10. Повышать доступность и узнаваемость служб помощи для подростков и молодежи обоих полов.

Адресат: службы психологической помощи, кризисные центры, НКО.

На каких результатах исследования основано: наиболее выраженные барьеры обращения у юношей проявляются в ситуациях сексуализированного насилия; молчание усиливается стигмой и гендерными нормами.

Рекомендация: сервисам помощи важно использовать понятный, не стигматизирующий язык, примеры и каналы коммуникации, которые прямо показывают, что мальчики и юноши тоже могут обращаться за поддержкой и будут восприняты всерьез.

Рекомендация 11. Учитывать психологический вред в оценке последствий насилия.

Адресат: адвокаты, специалисты системы здравоохранения и социальной защиты, бюро судебной экспертизы.

На каких результатах исследования основано: психологический ущерб нередко оказывается более выраженным и более длительным последствием насилия, чем физические травмы или экономические потери, связанные, например, с лечением.

Рекомендация: при оценке последствий насилия и планировании помощи необходимо учитывать психологический вред как самостоятельное и значимое основание для вмешательства, защиты и поддержки.

Рекомендация 12. Сопровождать правовую помощь психологической поддержкой.

Адресат: адвокаты, юристы, кризисные службы, организации помощи пострадавшим.

На каких результатах исследования основано: последствия насилия затрагивают не только правовую, но и психологическую сферу, а потребности пострадавших не исчерпываются юридическим сопровождением.

Рекомендация: правовая помощь должна быть связана с психологической и кризисной поддержкой, чтобы пострадавший получал не только защиту интересов, но и сопровождение в процессе восстановления.

Рекомендация 13. Обучать ближайшее окружение правильной реакции на раскрытие насилия.

Адресат: родители, педагоги, школы, разработчики систем помощи детям и подросткам.

На каких результатах исследования основано: по всем видам насилия дети и подростки чаще всего рассказывают о случившемся друзьям или близким людям, а не специалистам и службам.

Рекомендация: необходимо информировать родителей и подростков о том, как выслушать, не обвинять, поддержать и помочь обратиться за профессиональной помощью.

Рекомендация 14. Рассмотреть расширение уголовно-правовой защиты потерпевших в возрасте 16 лет и старше

Адресат: эксперты в сфере защиты прав потерпевших, в том числе несовершеннолетних, и эксперты в области уголовного права

На каких результатах исследования основано: данные исследования показывают, что сексуализированное насилие является значимой угрозой для потерпевших старше 16-ти лет. При этом эти действия, которые причиняют подросткам вред и фиксируются в исследовании как нежелательный и травмирующий опыт, не охватывается статьей 135 УК РФ, если потерпевшему уже исполнилось 16 лет.

Рекомендация: рассмотреть возможность введения дополнительных правовых механизмов, обеспечивающих защиту потерпевших старше 16-ти лет от развратных действий.

Рекомендация 15. Повышать компетентность специалистов в раннем выявлении домашнего насилия и оказании поддерживающей помощи семье

Адресат: эксперты в сфере защиты детства, образовательные организации, разработчики систем помощи детям и подросткам, НКО, кризисные службы, организации помощи пострадавшим, юристы и адвокаты, психологи

На каких результатах исследования основано: Как показано в разделе 3.6 «Домашнее насилие», домашнее насилие в отношении детей и подростков обладает высокой степенью латентности. При сексуализированном насилии, которое в значительной части случаев совершается членами семьи или близким окружением, никому не рассказали о случившемся 20,5% девушек и 37,0% юношей. Обращение за профессиональной помощью при физическом насилии, значительная доля которого приходится на семейный контекст, также остается крайне низким: к профессионалам обращаются только 32,0% девушек и 17,3% юношей. Высокая доля систематического домашнего насилия (38,9% среди переживших, а в возрастной группе 0–11 лет — 46,5%) в сочетании с низким уровнем обращений за помощью указывает на то, что многие семьи годами остаются вне поля зрения системы помощи, а ребенок длительное время находится в травмирующей среде без получения необходимой поддержки.

Рекомендация: Внедрить программы системного обучения для специалистов, работающих с детьми, по вопросам проблемы домашнего насилия и оказания поддерживающей помощи семье. Программы должны включать: распознавание физических и поведенческих маркеров насилия, информацию о рисках и плане безопасности в ситуации насилия навыки безопасной коммуникации с ребенком (предотвращение вторичной травматизации), а также принципы поддерживающего взаимодействия с семьей.

Рекомендация 16. Разрабатывать и внедрять протоколы оценки риска и алгоритмов межведомственного реагирования в случаях домашнего насилия

Адресат: эксперты в сфере защиты детства, образовательные организации, разработчики систем помощи детям и подросткам, НКО, кризисные службы, организации помощи пострадавшим, юристы и адвокаты, психологи

На каких результатах исследования основано: Как показано в разделе 3.6 «Домашнее насилие», домашнее насилие в отношении детей и подростков в значительной части случаев носит не разовый, а систематический характер. Среди тех, кто пережил домашнее насилие, систематический характер («10+ раз») отмечают 38,9% респондентов (40,6% у девушек и 34,2% у юношей). Наиболее высокая доля систематического насилия фиксируется в возрастной группе 0–11 лет: 46,5% респондентов, переживших домашнее насилие в этом возрасте, указывают, что оно носило систематический характер. Домашнее психологическое насилие, которое является наиболее распространенной формой, в 63,3% случаев происходит 10 и более раз.

Эти данные свидетельствуют о том, что домашнее насилие — это не единичный инцидент, а длящийся процесс, который может продолжаться годами, особенно если он начинается в раннем

детстве. Поэтому оценка ситуации и выбор мер реагирования не могут строиться вокруг изолированного эпизода: необходим анализ динамики, длительности и нарастания тяжести насилия. Именно в силу систематического и длящегося характера домашнего насилия межведомственное взаимодействие становится необходимым условием эффективного реагирования.

Рекомендация: Разработать и внедрить протоколы оценки риска и алгоритмы межведомственного реагирования на случаи выявленного или заподозренного домашнего насилия.